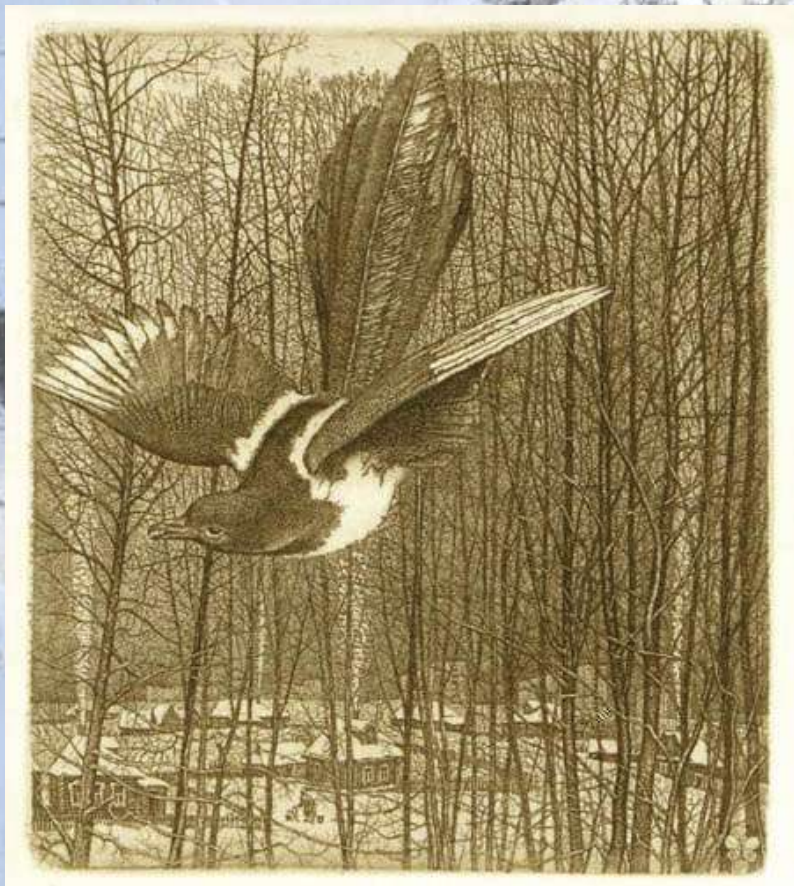

В. Лукин

**Мир вечный,
мир живой**

В. Лукин

Мир вечный, мир живой

Рассказы о природе

2013 год

Компьютерный набор и верстка
В.Б.Константиновой
Обложка - художник С.М. Никиреев
В тексте рисунки автора

*Услышь нашу смиренную
молитву, Господи!*

*Мы молим за всех наших
друзей - зверей, особенно за тех,
кто страдает, за всех, на кого
охотятся, кто потерялся, кого
бросили, кто напуган или голоден,
за всех кто должен быть усыплен.
Сжался над ними, будь милостив!*

*А тем, кто должен о них
заботиться, даруй сердце, полное
страдания, дай им добрые руки,
подскажи ласковые слова. Да будем
мы истинными друзьями для
зверей. Да разделим с ними
милость Твою и благодать! Аминь.*

От автора

Мир живой природы, мир братьев наших меньших. Мир вечный, мир живой...

Только вот как-то так получается, что чем ни дальше идет время, тем все больше и больше отдаляется, отделяется человек от этого вечно живого мира, частичкой которого, по Божьему устроению, должен бы он являться и сам. Все дальше и дальше уходит человек в мир искусственный, как сейчас модно говорить – виртуальный, придуманный им же самим.

Более того – человек без устали продолжает губить, истреблять уже и отдалившийся от него на довольно значительное расстояние мир живой природы. Продолжает губить леса, реки, озера, с преступным равнодушием наблюдает, как ежегодно выгорают неисчислимые тысячи гектаров леса вместе с находящейся там живностью...

Более того – по уцелевшим остаткам леса с маниакальным упорством и настойчивостью продолжают шастать шайки двуногих истребителей всего живого, именующие себя охотниками, с целью добить, уничтожить все, что там еще уцелело. На мощных автомашинах - вездеходах, внедорожниках едут они за десятки, а то и сотни километров в заповедные уголки, чтобы выследить там и пристрелить какого-нибудь распоследнего, разнесчастного зайчишку, или болотного куличка, или чирка, величиною всего-то с детский кулачок. Ну, а если привалит счастье уничтожить, убить кабана или

лося – ого! Это уж и вовсе почитается за великое геройство.

Прискорбно все это, печально...

Надо думать и надеяться, что Господь на страшном суде полной мерой отмерит этим кровожадным душам...

И все-таки, несмотря ни на что, пока еще что-то трепыхается, чирикает, прыгает по ветвям деревьев, шебуршит и попискивает в кустах, в траве, и не где-то там, в лесной глухомани, а совсем рядом с нами – в саду на приусадебном участке, во дворе дома, в палисаднике за окном. Какие-то живые существа обитают, наконец, в наших квартирах, но это в том случае, если у хозяев квартир не окончательно окаменели сердца. Бывает, правда, что такие хозяева заведут вроде бы вместо игрушки кошечку или собачку. Да ведь они, живые, живые кошечки-собачки, вовсе не игрушки, они требуют к себе хоть какого-то да внимания, хоть какой-то да заботы. И вот, глядишь, через месяц - другой без всякого угрызенья совести выдворили они живое существо на улицу – под дождь, на мороз, на произвол судьбы...

Эти люди извечно заняты решением задач материального порядка, их мозг денно и ночью сверлит мысль – приобрести это, купить то, заграбастать другое... Они настолько поглощены этими мыслями и устремлениями, что просто не видят, не замечают вовсе мира окружающей природы. Они не видят, не замечают ни галок, что гнездятся на чердаках их домов, ни синичек, ни воробьев, что суетятся у них перед окнами в январскую стужу. Ага, только и дела им, чтобы галок, да ворон считать!..

Однако же если перешагнуть через этот забор равнодушия, сделать хотя бы небольшое душевное усилие, один шагок навстречу малым сим, то увидишь для себя много такого, о чем даже и не подозревал. Если хотя бы немножко повнимательней приглядеться к их жизни, то просто поразишься, сколько тут всего занятного, поучительного, а нередко и трагического, и скажешь невольно – то ли вслух, то ли про себя: "Удивительное дело!"

И бывало даже так, что придешь из сада-огорода или с улицы домой, найдешь какой-нибудь клочок бумажки, карандашик, да и запишешь такой вот поразивший тебя случай. Какие-то из этих бумажек затерялись, какие-то сохранились. В один прекрасный день – впрочем, очень даже может быть, что день был и не совсем прекрасным, это просто так говорится – решил я все же эти свои заметки привести хотя бы в более или менее приличный вид, то есть упорядочить. Разложил листочки с записями по отдельным кучкам – вот это произошло в саду, а эта история случилась во дворе дома, это видел по дороге на работу, а это во время работы в музее. Пока разбирал бумажки, попутно всплывали из глубин памяти еще и другие маленькие происшествия, героями которых опять-таки были "братья наши меньшие". Записал и их.

И вот показалось, подумалось – а что, может быть и в чьей-то другой душе эти незамысловатые истории вызовут ответный сочувственный отклик, где улыбку, где доброжелательное участие и сострадание к Созданиям Божьим, коих мы часто даже и не замечаем или забываем об их существовании.

В саду

Нет таланту – не купишь

Большинству из нас на речку сходить да в лесу погулять доводится гораздо реже, чем хотелось бы. И так уж вот получается, что с живой природой чаще и больше всего приходится соприкасаться на так называемых приусадебных участках, клочках земли площадью в шесть соток, засаженных деревьями, кустарниками, разнообразными овощными культурами по виду и разумению хозяина этого участка.

Приусадебный участок – звучит уж больно как-то сухо, по-канцелярски. Остряки-самоучки в эпоху мексиканских сериалов окрестили эти участки

"фазендами". А те, кому в эпоху безнаказанного воровства удалось построить и обустроить в качестве садовых домиков чуть ли не виллы, они важно именуют их "наша дача".

Мы же свой участок называем коротко и просто – сад. Так вот, со всяких разных "садовых" происшествий и случаев и начнем, пожалуй.

* * *

Это было в последний год перед тем, как скворцы исчезли из наших мест навовсе.

... Ослепительный свет и свежесть раннего майского утра наполняли все существо, каждую жилку тела, отзываясь в нем безотчетной радостью и счастьем. В такой день пошвыряться, пошебуршиться в саду – это просто одно удовольствие. Я уж был за воротами, за оградой сада, спешил по дорожке к ненаглядным своим шести соткам, как вдруг послышалось какое-то странное, непонятное чивирликанье, звук такой, как будто кто дверь с заржавленными петлями открывал да закрывал. Что такое, откуда? Остановился, прислушался. Доносился звук с березы, что стояла возле изгороди недалеко от дорожки. Поискал глазами, и тут же разглядел в негустой пока еще листве сороку.

Она, не обращая на меня никакого внимания, вся подавшись вперед, вытягивая шею, с самозабвенной старательностью выговаривала без всякой связи какие-то иностранные имена и фамилии:

– Чемберлен, Честертон! Чарли, Чарли! Чемберлен, Честертон!

Уж не крыша ли поехала у бедной птицы, подумал я и пошел дальше. На следующий день, как говорят, в тот же час на том же месте опять послышалось, как кто-то произносит фамилии, но уже более благозвучные русские:

– Чуянов, Чуев! Чириков!

Нет, сороки на березе на сей раз не оказалось. На сей раз на садовом участке, что был рядом с березой, только через дорогу, пел у своего домика скворушка.

Вот тут и пришла отгадка сорочьему скурлыканию. Она, наслушавшись песенок скворца,

пыталась и сама изобразить нечто похожее. Да куда там! Вспомнилась тогда другая картинка, из далекого детства, как к лихому гармонисту Сереже приходил друг, брал в руки его гармонь, терзал ее минут пятьдесят, а потом говорил: «Эх, Сережа! Нету таланта – не купишь!»

Оно и верно. Скворцов извели, потравили, а сороки по-скворчиному петь так и не выучились...

За вкусненьким

Сажаем мы с женой картошку. В выкопанные перед посадкой ямки кладем навоз из старой, давнишней кучи. Навоз лежал года полтора, если не два, хорошо перепрел, превратился в перегной. И вот, отковыривая лопатой пласт за пластом, обнаружили мы в этом перегное целую колонию личинок.

Большие, белые, жирные, величиной с палец, а некоторые так и еще толще. Да много – десятка два.

Фу ты, гадость какая! И что с ними делать? Давить – мерзостно. А у тропы костерок горел, там прошлогодний мусор, листья, сучки, ветки вырезанной малины. Вот сгреб я эти личинки в ведро, да и вытряхнул в костерок.

Вновь взялись за посадку. Смотрим – на коньке садового домика появилась ворона. В поведении ее явно чувствовалось какое-то беспокойство. Сначала она нервно, вприпрыжку переступала по крыше, потом, наклонившись всем корпусом вперед, устремилась, нацелилась на костерок. Наконец,

набралась смелости, подлетела к костерку. Изловчившись, быстро-быстро стала выхватывать из огня и выбрасывать на тропу поджаренные личинки.

Подождала минутку пока остынут и с жадностью принялась их склевывать. Потом, будто спохватившись или испугавшись чего, улетела, хотя личинки еще оставались и никто ее не прогонял. Через минуту-другую появилась снова, схватила личинку и опять улетела.

Ага! Вот оно что! Пожалуй, что эта ворона – самец. И личинки он теперь носит своей подруге. Она ведь на гнезде сидит, яички греет, воронят высиживает. Отлучиться ей никак нельзя, поэтому заботливый супруг и кормит ее чуть ли не целый месяц.

Я выгреб из костра на тропу оставшиеся личинки. Что добру пропадать? Пусть уж вороны полакомятся деликатесом. Ведь и они – и жить, и кушать хотят.

Осторожная, ох, осторожная птица – ворона. Но и рисковая, смелая! Гляди-ка – аж в самое пекло за вкусненьким полезла. Что ж, кто не рискует, тот не пьет шампанского!

Маневр

Чудным майским вечером мы с женой после работы, как обычно, что-то копошились в своем саду, может быть, делали грядки. И вот, совсем рядом, в каком-нибудь метре от нас стремительно пронеслись

воробьишко и преследовавший его ястреб. Ястреб уже выбросил вперед ноги, и пальцы на лапах растопырил, вот-вот готовый схватить жертву.

Воробьишко же и направлял, видимо, свой полет к нам в надежде, что ястреб испугается людей и отвернет. Нет, не испугался, не отвернул. И тогда воробьишко моментально сориентировавшись, предпринял другой маневр – с ходу, с лету нырнул в густой куст смородины, в самую-то глубь куста. Ястреб последовать за ним не решился и правильно сделал, если бы азарт и ярость взяли бы верх, то он основательно помял бы крылья об упругие ветви

смородины. Ястреб взял чуть вверх, пролетел над кустом. Два-три взмаха крыльев – и его как не бывало.

Воробышко же, чуть очухался от испуга, выпорхнул из куста, нервно чирикнул – так и показалось, что в сердцах сплюнул да матюгнулся – и на всякий случай для надежности спрятался под стрехой садового домика.

Утрата

В один из летних дней, когда стояла жара, я приехал с утра пораньше в сад, чтобы открыть парники с помидорами и огурцами. Через некоторое время мое внимание остановило какое-то странное, совсем, как говорят «нештатное» поведение воробья. Они, воробышки, каждый год селятся и выводят семейство под стрехой нашего садового домика.

Так вот, этот воробей вел себя настолько необычно, что мне подумалось – уж не стряхнулся ли он с ума? Он прыгал в траве у стены домика, потом вспархивал на сундучок для инструмента, затем на картонную коробку, стоявшую на сундучке. С коробки воробью видно было свое отражение в окошке домика. И он подскакивал по краю коробки к окну, к собственному отражению и клевал, долготил его клювом. Опять спрыгивал на землю, опять что-то искал. Весь вид у воробышки был крайне беспокойный, встревоженный. Он был встрепан, беспрестанно стрекотал, резко, беспокойно. Клюв его был полуоткрыт.

Может с жары помутился рассудок, может пить хочет, подумал я и в консервную банку почерпнул ему из бака водички. Пока я ставил воду на сундучок, воробей отпрыгнул в сторону, но не успел я отойти, как он снова принялся за свои странные действия. Совсем ему не до водички было.

Если бы воробей попрыгал, попрыгал да улетел, то это осталось бы даже и незамеченным. Но он суеутился у сундучка и клевал свое отражение в окне полчаса, три четверти часа, час...

К вечеру мы с женой пришли в сад, чтобы уже закрывать парники на ночь. Воробей занимался все тем же. Вид у него был вконец измученный, заморенный.

И вот я изнутри домика поставил на окно кусок фанеры, и воробей перестал видеть в стекле свое отражение. Это, видимо, сбilo ритм его непонятных действий, и воробей, поскакав еще несколько минут на сундучке, вспорхнул на крышу домика, потом на куст смородины и как бы немного очухался.

Что же было причиной такого заикленного поведения воробья? Мы долго терялись в догадках. Первое, что пришло в голову, это то, что свое отражение в стекле воробей принял за чужака, соперника и намеревался его прогнать. Были еще какие-то гипотезы.

Но вот наш сосед по участку рассказал о том, что видел, как утром около нашего домика бoмж – кот Васька, обитавший в саду, сцапал воробья. Его рассказ позволил сделать более реальные предположения. Причиной стресса видимо, все-таки стала утрата

подруги-воробьи, попавшей в лапы разбойнику коту.

Ёжик

Что это он о птицах, да о птицах, скажете вы. Ну, так что ж, тигров и леопардов в нашем саду не водится. Да и упаси Господи, оно и слава Богу, и хорошо, что не водится.

Вот кошки – это да. Бездомные кошки в саду чувствуют себя очень даже замечательно и комфортно, живут и промышляют здесь не только летом, но даже и зимой. И выглядят они не то чтобы тощими да драными, нет – вполне нормальной упитанности. Правда, сердобольные женщины, бывает, что приносят, захватывают им в сад что-нибудь перекусить, а наиболее жалостливые подкармливают их даже и зимой.

Но, как говорится, на женщин надейся, а сам не плошай. Поэтому основу меню садовых кошек, конечно же, составляют серые мышки. Их, по-видимому, в саду вполне достаточное количество, чтобы обеспечить кошкам более - менее сносную жизнь.

Кроме кошек и мышек бывало, что в особо морозные зимы сад посещали и зайцы. Понятно, что от таких гостей садоводам радости мало. У яблонь, что помоложе, стволы погрызут, а нижние ветви у деревьев так аккуратно постригут – никакого секатора

не надо. В общем пусть бы лучше братцы - зайчики чем-нибудь у себя дома в лесу питались.

В сад нередко навевается еще один лесной житель – ёжик, но это полезный, хороший паренек. И в сад он приходит в летнюю пору, зимой ежи спят где-то в своих потайных норках. Этого колючего, но все же симпатичного зверька не раз за лето заметишь то в одном, то в другом углу сада.

А один раз ёжик даже поселился прямо на нашем участке. Около ствола старой яблони жена стопкой уложила веточки лапника, что был использован для предохранения от солнечного ожога молодой, только что высаженной капустной рассады. Рассада к тому времени уже подросла, окрепла. Вот за ненадобностью и сложили эти сухие ветки в кучку, а чтобы они не топорщились, сверху прикрыли деревянным ящиком, да вдобавок еще и нахлобучили старой оцинкованной ванной, в каких раньше малых ребят купали.

Ёжик, путешествуя по саду, обнаружив и обследовав это сооружение, оценил его по достоинству и справедливо решил, что лучшего места для жительства ему не сыскать. Да и в самом деле – если бы даже специально взять и задастся целью соорудить домик для ежа, лучше этого все равно бы ничего не придумать.

Вот и ёжик прикинул: «Тепло, сухо. Ни солнышком не печет, ни дождиком не сечет. Чего еще надо?» Да так и поселился тут.

Единственным неудобством для ежа было только то обстоятельство, что невдалеке от его «коттеджа» находилась врытая в грунт лавочка, где мы с женой отдыхали во время перекуров, наблюдая проплывающие по небу облака, да иногда устраивали перекуску, распивали принесенный из дому в термосе чай. Ёжик же в это время отдыхал в своих покоях от ночных трудов праведных, и ему, разумеется, совершенно не нравилось присутствие посторонних личностей. Ведь он, конечно же, себя и только себя считал и чувствовал хозяином облюбованного им местечка, и непрошенное вторжение в его владения давило ему на нерв.

Мы, входя в его положение, старались возможно меньше доставлять беспокойства садовому работнику и не вторгались в его дела и жизнь.

И ёж в свою очередь терпеть не мог публичности, наиболее активная деятельность его приходилась на ночное время, когда он охотился за мышами. Если же с мышами случалась напряженка, то все равно пропитания ему хватало с лихвой — в ягольнике, в капусте полным-полно улиток-слизняков, в земле

всяческие жучки-червячки шевелятся, да и растительной пищей ёжик не брезгует, а к концу лета на земле слив, ягод – тьма тьмущая, ешь – не хочу.

Шли дни, и ёжик, должно быть, несколько привык к тому обстоятельству, что в его владениях время от времени появляются некие существа, присутствие которых нежелательно, однако смирился с этим, как с неизбежностью. А поскольку мы не причиняли ему никакого вреда, то иногда он стал выходить из своего убежища и в дневное время. Правда, старался тут же скрыться в густой траве в дальнем углу сада. Ну а если, кой грех, его заставляли где-нибудь врасплох, то он надувался как шар, поднимал кверху все свои иголки и угрожающе пыхтел. Лето пролетело быстро. Подступили холода, и трава по утрам стала покрываться белой изморозью. И вот наш ёжик куда-то ушел, куда-то скрылся. Мы поняли это потому, что в домике под ящиком не стало слышно никаких признаков его присутствия – ни возни, ни шороха, ни вдоха.

Взять ёжика домой – у нас и мысли такой никогда не возникало, потому что был в этом деле кое-какой опыт. Пробовали мы уже как-то приютить заблудившегося ёжика у себя дома. О, это было что-то! Днем ёжика было не видно и не слышно, он тихо спал где-то в уголке под кроватью. Но стоило только, ложась спать, выключить свет, как он устроит такой трам - тарарам, что казалось не один, а сразу двадцать ёжиков разбойничают и дебоширят у нас в квартире. Хотя по его понятиям он вовсе не дебоширил, а как раз занимался делом. Ёжик катал по полу пустые молочные и кефирные бутылки, должно быть,

проверяя не осталось ли там чего такого, чем можно поживиться. Молоко налитое ему в блюдце он почему-то игнорировал. Громко шлепая лапами, как будто бы у него на лапы были надеты ласты, он хозяйски обследовал все углы комнаты в поисках места для устройства будущего жилья. Наконец, он стащил старую газету и с шумом принялся сооружать себе укрытие в уголке под кроватью.

Ёжик трудился всю ночь, а мы почти всю ночь не спали. На другой день с утра пораньше мы положили ёжика в хозяйственную сумку и отнесли в лес.

А вот «садовый» ёжик на следующий год больше у нас не появлялся. Может быть, нашел другое, более подходящее место жительства. А может после проведенного у нас в саду лета с наступлением холодов на время зимней спячки ушел в лес, да потом так там и остался.

Карл и Клара

Апрель в том году выдался на редкость теплым. А в самом конце месяца установились такие благодатные солнечные деньки, что все местные жители, обрадовавшись теплу, дружно ринулись на свои заветные участки в общественных садах.

Да и в самом деле, трудно было усидеть дома в такую удивительную пору, когда весь Божий мир блистал ликующей новизной. Вот и мы с женой, поддавшись волне общего энтузиазма, отправились

проведать свой участок, где не бывали, почитай, полгода.

Воздух был свежим, чистым и легким, небо лучезарным и бездонным, дышалось легко и сладостно. Золотые лучи солнца, будто невидимой ласковой, доброй рукой, гладили и согревали все, чего бы они ни касались.

В садах самые усердные работнички бросились уж даже и картошку сажать. Земля и правда была настолько сухой и прогретой, что и мы, хотя и не поддались соблазну насчет посадки картошки, все же принялись потихонечку делать грядки, кое-где копать землю, готовить ее к посадке. Попервоначально не очень-то и спешили, а больше дышали чудесным воздухом, да наслаждались разлитой по всей земле Божьей благодатью.

И вот во время очередного перекура, сидя на садовой скамейке, я заметил, что около яблонь с каким-то подозрительным постоянством суетится большая серая ворона. То она вертится, перемещаясь, перепрыгивая с одной ветки на другую, то невысоко поднимется, сделает круг и снова усядется на самом виду. Приглядевшись повнимательнее, я обнаружил на верху самой высокой яблони воронье гнездо. И откуда бы? Его и сроду-то там не бывало. Подошел поближе и разглядел торчащий сбоку гнезда прямоугольник вороньего хвоста.

Ага! Значит, эта голубушка сидит уже на яичках, а та, что своим поведением мозолит глаза, это ее супруг, и он находится на стреме, бдит, как бы не вышло какой-нибудь нештатной ситуации. Ах, ты,

мать честная! Только вот такой радости, такого вот соседства нам и не хватало!

Не мне одному известно, что ворона – птица чрезвычайно умная, хитрая даже, но и вредная, вредная. Они, эти пернатые воровки, только и глядят, как бы стащить то, что плохо лежит, независимо от того, надо им оно или нет. Однажды ворона ухитрилась утащить у соседки по саду пенальчик с губною помадой, оставленный ею на садовой скамейке. Ворона, конечно, не собиралась наводить макияж, просто глянулась ей блестящая на солнышке необычная штучка, вот и взял соблазн, стибрила.

В другой раз у другого соседа вороны стащили целлофановый пакет с пряниками и конфетами, припасенными к чаю. Пришла пора сделать перекуску, попить чайку, а пряничков нет. Туда, сюда – пропали прянички. Потом уже обнаружили распотрошенный пакет под яблоней за садовым домиком.

Вот поэтому соседство таких новоселов нас с женой не очень – то обрадовало. Вон воробышки – они под стрехой садовой избушки живут и выводят по весне потомство не знаю уже сколько лет, но на них на этих маленьких, юрких работяг любо дорого глядеть, они целый-то день с утра до поздней ноченьки то и дело шмыгают под крышу избушки с клювом, полным мошек, козявок и червячков.

А ворона что? Не успеешь посадить, как вытаскивают из грядки горох, бобы, фасоль – вот и вся от них польза.

Первой моей мыслью было прогнать ворон, чтобы они поискали себе какого-нибудь другого места жительства. Я стал кидать комья земли, целясь по гнезду. Ворона с истеричной руганью снималась с гнезда, но сделав пируэт, тут же устраивалась на свое место. Явное неудовольствие выказывал при этом и ее супруг, выделявая смелые пике над моей головой, с явным намерением долбануть в макушку. Вскоре я понял, осознал всю бесполезность своей затеи. Да разве же оставят вороны гнездо, когда у них уже лежат там яйца?

Конечно, при большом желании можно было взять палку, длинную с пластиковой бутылкой на конце, с помощью которой мы по осени снимаем яблоки, и разорить гнездо, но это было бы уж слишком жестоко и гнусно. Нет, на такое дело мы уж никак не пойдем. Ладно, пусть выводят воронят, а когда поставят их на крыло, там видно будет.

Да ведь надо было войти и в положение ворон. Откуда они могут знать и понимать, что вот этот сад, эти яблони – все это чья-то частная собственность. Они со своей стороны считали, конечно же, что у них прав на все, что произрастает и вообще находится на земле ничуть не меньше, чем у нас.

Гнездо у ворон размещалось в развилке верхних веток яблони, и сооружено было, мягко говоря, без изыска. Так – сложенная в беспорядке небольшая кучка хвороста. Не зря же говорят про старую трепаную шапку – как у вороны гнездо. Ворона в гнезде, в основном, сидела тихо, почти неподвижно, изредка только меняя градус своего положения, что можно было определить по торчащему из гнезда

хвосту. Но когда супруг ее улетал куда-то слишком далеко, и не появлялся слишком долго, терпенье вороны, наконец, истощалось, и она начинала кричать громко и с интонацией крайнего недовольства:

– Карл! Карл! Куда ты, старый дурак, запропастился? Жрать, жрать хочу! Где тебя, бродяга, черти носят?

В скором времени объявлялся Карл, он пристраивался на ветке около гнезда и осторожно, из клюва в клюв, бережно, но ловко передавал принесенное и, видимо, не без труда добытое пропитание. Прodelав эту операцию, он с некоторою долей укоризны, принимался увещевать свою «половину»:

– Клара! Клара! Ты больно-то не базарь! В теперешние времена пропитание на дороге не валяется! Поди, попробуй, разыщи!

Потом они обменивались парой негромких и уже миролюбивых фраз:

– Ну что, Клара? Заморила червячка? Порядок?

– Порядок, порядок, старый хрен...

Так из их разговоров мы узнали, что на гнезде сидит Клара, а пропитание ей приносит Карл.

Карл любовно и деловито поправлял перышки на спине у Клары и, немного покрутившись возле нее, вновь отправлялся за добычей.

Поняв, что с нашей стороны все претензии и притязания к ним, как к квартиросъемщикам сняты, вороны больше уже почти не обращали на нас внимания, и Карл без опаски оставлял свою подругу на время отлучки. За пропитанием он улетал всегда в одну и ту же сторону – в сторону свалки. Там, среди

пищевых отходов он и выискивал наиболее лакомые кусочки для Клары. Путь на свалку лежал через кладбище, и если там Карлу удавалось высмотреть оставленные на какой-то могилке гостинцы – печенье, пряник – то он к гнезду возвращался побыстрее и подольше сидел возле своей ворчливой супружницы. Клара в это время снималась на минутку с гнезда и, чтобы размять занемевшие от долгой неподвижности косточки и мышцы, делала пару небольших кругов над яблоней, но вскоре опять садилась на гнездо, опасаясь, видимо, застудить яйца.

Нас вороны не боялись, но время от времени в небе над садом появлялся ястреб. Выписывая медленные круги, он выглядывал, чем бы можно поживиться. Но тут, откуда ни возьмись, появлялся Карл и поднимал тревогу. На его по-особенному злой, боевой клич сразу же прилетали три, четыре, пять

ворон, и они с громкой отборной руганью прогоняли разбойника прочь.

Не только апрель, но и начало мая было на удивление погожим, и мы благополучно посадили свою картошку, да почти что и все остальное, что полагается. И всякий день во время отдыха я все с большим и большим интересом наблюдал за поведением и повадками ворон. И с каждым днем проникался все большим уважением к этим с виду неказистым и неуклюжим птицам. Мы с женой старались и копошились на земле, чтобы обеспечить себе на зиму кой - какое пропитание. Но и вороны старательно, упорно и настойчиво делали свое, трудное, предназначенное им Природой дело – им надо было во что бы ни стало произвести на свет потомство. Они терпели неудобства – попробуй-ка посиди на гнезде почти без движения чуть ли не месяц!

Поди-ка найди пропитание и себе, и своей супруге! Они это дело делали каждый год и знали, как его делать. И глядя на их старания, просто нельзя было не проникнуться к ним чувством добрым, поощрительным.

К слову сказать, вороны вели себя в саду очень даже порядочно, не потревожили ни одной грядки, не позволили ни одной бестактности.

Но вот во второй декаде мая завернул собачий холод, дождь сутками лил не переставая. В сад выбраться не было уже никакой возможности, да не было и смысла.

А у меня мозги сверлила одна и та же мысль: «Господи! Ну как там все это терпит бедная Клара? Ведь, поди промокла вся до последнего перышка. Как она переносит такую холодрыгу? Да и яички, должно быть, охолодали от ледяного дождя и ветра. Откуда взять тепла, чтобы согреть их, если сама еле жива? А может, уж и слетела с гнезда, бросила все. Может, поняла, что толку все равно не будет...»

Но вот погода переমেжилась, и вновь дня на три, на четыре установилось тепло. Придя в сад, мы обнаружили, что ворона так и сидит на своем месте. Был уже конец мая, и по всем срокам — это мы вычитали в книгах — из яичек должны были вылупиться птенцы. Однако никаких признаков новой жизни не было ни видно, ни слышно.

Мы поняли, что случилась беда, только не знали точно какая — то ли яички охолодали и пропали, ничего из них не вылупилось, то ли только что появившиеся на свет птенцы, совсем еще голые, погибли от ледяных дождей. Это понял и Карл. Он

стал все реже и реже прилетать к Кларе с кормом, видимо, понуждая подругу покинуть гнездо и самой заняться своим пропитанием. Но она все сидела и сидела там, наверху, хотя, наверное, и сама тоже уже осознавала всю бесполезность своих стараний и страданий.

И опять пришла непогода с северным ветром, с нудными дождями, а ворона все так же упорно не хотела покидать своего места, все еще надеясь, видимо, на какое-то чудо.

Пошел июнь, и бедная Клара, изголодавшаяся и вся насквозь больная, наконец, оставила гнездо. Никуда далеко она не улетала, сидела на самом виду на соседней яблоне, и вид — о! вид у нее был настолько жалок, что без боли сердечной на нее просто невозможно было смотреть. Во-первых, Клара жестоко простудилась, едва держась на ветке, она то и дело наклонялась вперед, широко раскрывая при этом клюв для того, чтобы в истощном крике излить, выразить свою безмерную тоску и боль. Но голос у нее совершенно пропал, и только едва слышный, то ли хрип, то ли сип исторгало ее немощное тело.

Кроме того, на нее, на исхудавшую и больную, напало великое сонмище блох, и Клара то и дело орудовала клювом то под одним, то под другим крылом, да ведь и не везде же доставал ее клюв. И, тем не менее, паразиты не давали ей ни минуты покоя.

Когда Клара освободила гнездо, Карл, не долго думая, уселся там и принялся потрошить — снизу не видно было — то ли недосиженные яйца, то ли погибших птенцов. Вероятнее всего, все-таки яйца.

Безутешная Клара несколько дней все мучилась, далеко от гнезда никуда не улетала, и горю ее, казалось, не будет конца. Иногда она забиралась и в гнездо, но – увы! Не было там уже ни яиц, ни птенцов. Когда я наклонялся, чтобы выколоть сорную траву, нарвать петрушки или сельдерея, Клара снималась с ветки и делала пике над моей головой в надежде, что может быть там, в траве мне как раз и удалось обнаружить ее неразумных воронят. Но нет – нельзя обнаружить то, чего не было.

Весь июнь и Клара и Карл так все и вертелись возле гнезда. Куда-то отлучатся на время, по-видимому, за пропитанием, и вот смотришь – опять они то ли на этой яблоне, то ли на соседней. Клара стала понемножку поправляться, стал прорезаться голос, хотя вид у нее по-прежнему был не из лучших. И забыть о своем несчастье она не могла еще долго. Она чаще, чем Карл, появлялась возле гнезда, забиралась в него, то ли вспоминая что, то ли еще на что-то надеясь. Нас с женой удивляло эта привязанность птиц к опустевшему гнезду. Но если поразмыслить, так и удивляться нечему – ведь это же был их дом, они соорудили его удобным настолько, насколько хватило умения и ума. А в том, что этот дом осиротел раньше времени, не было ни капли их вины.

От той неприязни к воронам, что была по весне, не осталось и следа. Наоборот, нам с женой чуть ли не до слез было жаль бедных птиц. Ведь они так старались, они делали все, что надо и так, как надо. А вот, поди ж ты...

В июле вороны стали прилетать пореже, но все же не забывали своего гнездовища навовсе и

навешали его вплоть до самой осени. Картошку уже копали, а разогнешь спину, поднимешь голову, а они – Клара и Карл – тут как тут, то на крыше садового домика сидят, то на яблоне неуклюже перепрыгивают с ветки на ветку...

Поселятся ли они в этом гнезде на будущий год – не знаю, время покажет. Да и дожить еще надо до будущего года.

Кот – наркоман

После нудно-жаркого душного дня к вечеру воздух начал понемногу остывать, а на небосклоне, на западной его стороне, краски наоборот становились все горячее, все золотистее.

Прикрыв на ночь теплички, выполнив еще кое-какие необременительные делишки, сижу на садовой скамейке под старой яблоней, дышу отрадным для легких воздухом, любуюсь отрадными для глаз все более и более разгорающимися красками заката.

Но вот в мое безмятежно-созерцательное состояние все надоедливей и надоедливей для слуха стал нарушать однообразный посвист какой-то птички. Посвист был явно тревожным и никак не вписывался в отрадную элегическую музыку вечера. Я поднял голову – в широко раскинувшихся над скамейкой узловатых ветвях яблони беспокойно металась, перепархивая с ветки на ветку, серенькая пичуга. Мечется беспрестанно, сердито так,

недовольно свистит и цокает: «Свись – свись! Цок – цок – цок!»

Слушаю минуту, другую. Пять минут. Что такое? Чего она нервничает? Я что ли ей помешал? Ну ладно. Пусть уgomонится.

Встал. Отошел подальше, чтобы пощипать крыжовника. А птичка все так и беспокоится, так и цокает. И тут у самого ствола яблони я увидел довольно крупного, упитанного кота. Он, не торопясь, деловито грыз что-то очень похожее на птичье крылышко.

Ага! Так вот в чем дело! Вот от чего так переживает и мечется птичка! Должно быть, ее неразумное чадо попало в зубы усатому, полосатому разбойнику.

Чтобы удостовериться в своем предположении, я подошел поближе к месту трапезы кота. Но тот что-то не очень торопился уходить, перекатывался по земле из стороны в сторону на спине, явно испытывая кайф, а меня как бы даже и вовсе не замечал. Повалывается, повалывается и опять, прижимая лапой, грызет крылышко.

Такая наглость кота возмутила меня – ах ты, стервец, еще тут будет изгаляться! Я взял увесистую палку, и кот, наконец, с явной неохотой встал, поплелся прочь.

Подойдя поближе, я разглядел, что кот вовсе и не крылышко грыз, а корешок валерьянки. Она, валерьяна, слишком уж сильно разрослась под яблоней, и жена еще весной вытащила несколько корней, сложила их в кучку у яблоневого ствола. Вот кот и пришел на соблазнительный для него запах.

Кота нюх не обманул, а вот меня зрение подвело — мочку валерьянового корня принял издалека за птичье крылышко.

С невольной улыбкой глядел я вслед коту-наркоману. Он же, недовольный тем, что его оторвали от такого кайфа, в дупель пьяный, виляя задом, не торопясь, перебирался в соседний сад.

Тут же снялась с яблони и птичка, полетела вслед за котом, вероятно вполне уверенная, что именно ей удалось настойчивым стрекотом прогнать ненавистного разбойника.

У музея

Что же вы?

Последние двадцать лет трудовой деятельности судьба предназначила мне провести в музее В.П.Чкалова. И вот все двадцать лет на работу и с работы я ходил или ездил практически по одним и тем же улицам. Ну, иногда и сменишь для разнообразия немного маршрут, но, как у нас говорят, не через Катунки же в музей идти.

Зимой до музея в основном приходилось добираться пешочком, а летом выручал велосипед. На нем, конечно, получалось побыстрее.

Так вот, еду я как-то по улице, не особо торопясь, кручу педали. Автомобили с левой стороны снуют то в одну, то в другую сторону, а справа за обочиной дороги стволы лип, берез мелькают. И вдруг слух распорол истошный, надрывный, прямо-таки жуткий какой-то крик вороны. Она сидела, распустив крылья, на нижнем суку одной из берез, что стояли на придорожном газоне. Карканье, от которого шел мороз по коже, продолжалось раз за разом, беспрерывно.

Когда я поравнялся с березой, ворона снялась с сучка и с криком пролетела над самой моей головой, взмыла и еще раз с тем же истошным криком в пике пролетела надо мной.

С ума что ли сошла? И я обругал ворону нехорошими словами. Потом подумал – а ведь

стряслась, наверное, какая-то беда, не иначе, как у нее птенец из гнезда выпал.

Еще немного погодя подумалось так – а вдруг ворона вовсе не агрессивность проявляла, а зывала о помощи ко всем проходящим и проезжающим, и ко мне в том числе: «Куда же вы, куда?! Ну, что же вы? Неужели не видите моей беды?!»

Когда вечером я возвращался домой, ворона сидела все там же, но хриплый крик ее был уж совсем слабым и безнадежным.

Старуха и голуби

В середине улицы Чернышевского, она последняя на пути в музей, стоял маленький, низенький домик в два окошка. В нем доживала свой век одинокая и весьма пожилая женщина. Старушкой ее никак не назовешь, старушки бывают махонькими, да сухонькими. А эта – высокая, немного сутуловатая, с крупными и вовсе не благообразными чертами лица. Старуха? Грубовато вроде звучит, но что делать – так на этом, пожалуй, и придется остановиться.

Так вот, старухе находиться дома, в избушке, наверное, было очень некомфортно. При ее росте тесно ей там, должно быть, было, поэтому и находилась она большую часть дня на улице, возле дома. Стоит то ли возле крыльца, то ли у дороги, смотрит, наблюдает за всеми, кто бы ни шел и ни ехал мимо нее. Наблюдает за течением проходящей мимо нее жизни.

Вид у бабки далеко не импозантный. Руки большие, длинные, далеко высунулись из обтреканных рукавов давно потерявшей свой первозданный вид пальтушки. Обветренные руки, красные, как обожженный кирпич, сразу видно – досталось им, досыта начертоломили за жизнь. Одежка же и зимой и летом одна – серые валенки с галошами, да вот эта замызганная пальтушка. Ну, еще в тон пальтушке кое-как, небрежно повязанный платок.

Иду я как-то на работу, старуха как всегда на своем месте у обочины дороги. И вот она, пошарив в глубоком кармане своей семисезонной куртки, протягивает мне зубок чеснока: «На-ко вот милой!» Я удивился: «Да зачем же мне это нужно?!» «А у меня, мой родной, нету больше ничего. Нечего больше и дать-то тебе. Возьми! Хлебца горбушку потрешь в обед – скусно, духовито!»

Выцветшие глаза старухи излучали какую-то нутряную, многими годами накопленную мудрость и доброту.

«Ну, спасибо!»

С того дня я стал здороваться со старухой, ежели случалось, что она стояла возле дороги.

Но сейчас я хочу сказать не об этом. О другом хочу сказать.

Всякую зиму, а мне много зим довелось ходить мимо бабкиного дома, всякую зиму по утрам на залобке ее избушки собиралось десятка два, а может и больше, говорливых голубей. Сидят, без умолку воркуют, ждут. Нетерпеливо переступают, мелко топоча озябшими красными лапками по кровельному

железу залобка. Толкаются, иногда и перепархивают с места на место.

Но вот, наконец, из избушки появляется старуха с эмалированной миской, и голуби, как по команде, шумно хлопая крыльями, снимаются с залобка и в ту же секунду оказываются у ее ног. Старуха горстями берет из миски размятый хлеб, сыплет возле крылечка направо и налево, чтобы птицы не гуртились в одном месте, чтобы корму хватило всем. Откуда ни возьмись «на помощь» голубям прилетят и шпанцы – воробышки, и юркие синички. И даже галки с березы поглядывают вниз – не перепадет ли чего и им.

Каждый день выходила старуха с миской на крыльцо или нет, этого я не знаю. Но голуби ждали ее каждый день. Поскольку они постоянно толклись на залобке в ожидании своей благодетельницы, то и снегу на нем не было всю зиму, они не давали ему скопиться, улежаться. Но залобок все равно бывал

сплошь белым, только не от снега, а от голубинового помета. Да так ровно и густо они его уделают, будто самыми лучшими, качественными белилами выкрасят.

Но вот в какой-то год, в какой-то день бабка приказала долго жить, отошла в мир иной. Голуби потоптались на залобке день, другой, потоптались неделю и пропали.

Залобок после этого еще долго оставался белым, и все же дожди и время сделали свое дело, старое железо залобка обнажилось, обрело присущий ему рыжевато – коричневый цвет.

Круг почета

Как-то пришел я на работу несколько раньше обычного. Ласковая теплынь, мягкий солнечный свет тихого майского утра умиротворяющими волнами омывали душу.

Я стоял у крыльца, повернувшись лицом к солнцу, прикрыв глаза, слушая тихую музыку утра.

И вдруг послышался гусиный гогот.

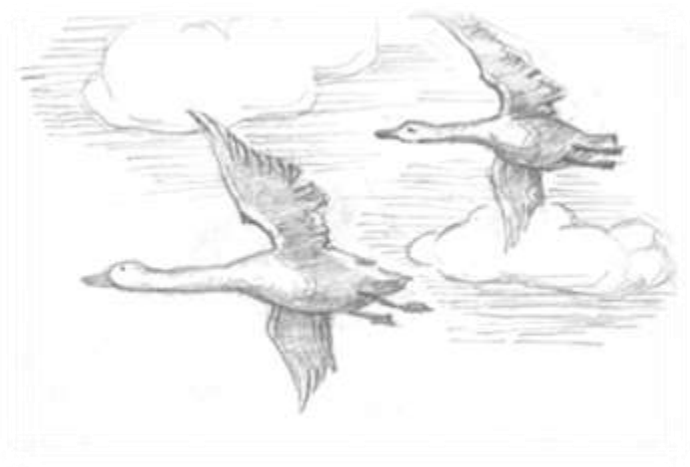
Но с чего бы? Откуда ему взяться? Совершенно неоткуда!

Померещилось что ли?

Но гагаканье послышалось все явственней, отчетливей. Что за наваждение?

Наконец, подняв голову вверх, я увидел двух диких гусей, пролетавших над крышей музея. Они летели так низко, что было слышно не только

погогатывание, но даже шум и шорох от взмахов их крыльев.

Отчего они летели так низко? Как попали сюда? По какой-то причине, должно быть, отбились от большой стаи, устали и, наверное, искали у водохранилища место, где можно было бы передохнуть.

Но... пусть и в шутку подумалось: «Ну вот, теперь уже не только летчики, а и гуси стали делать круг почета над чкаловским домом!»

Дикая Машка

В музее, а если поточнее сказать, то при музее, тоже почти всегда водилась какая-нибудь да живность. Ну что может водиться при музее кроме мышей, не без иронии в ответ на это заметите вы.

Верно, случалось порой, что и мыши начинали у нас пошаливать, ведь музей-то наш – это деревянный дом с подпольем и с разными подсобными помещениями. Так что отыскать прибежище и местечко, где свить, устроить гнездышко для деток мышкам не составляет особого труда. Если вы подумали, что мышей сильно интересовали и притягивали к себе музейные экспонаты, то вы ошибаетесь. Нет, не это являлось для них приманкой. Дело в том, что график работы музея не предусматривал обеденного перерыва, да и далековато было на обед домой ходить, поэтому работницы музея столовались вскладчину прямо на рабочем месте в одном из подсобных помещений.

Запасенные для готовки обеда продукты – крупы, макароны, а иногда сыр, колбаса – все это и соблазняло серых плутовок.

И вот, чтобы они не слишком-то уж сильно распоясывались, при музее во всякое время жили и кошки. Нет, не целое кошачье стадо, конечно, обычно одна кошка и жила. Если она куда-то исчезала, на ее месте скоро появлялась другая.

Как правило, в музей заявлялись кошки хилые, донельзя тощие, чем-нибудь да больные, чаще всего зараженные ушным клещём. Было такое предположение, что нам их подбрасывали жители с соседних улиц, дабы избавиться от лишних с ними хлопот.

Вот появится новоявленная мурка, и тут же за дело принимается Лидия Ивановна, музейный смотритель и по совместительству добровольный «ветеринар». Марганцовкой и стрептоцидовой мазью обрабатывает струпья на голове, на ушах, пораженные

ушным клещем язвы смажет дегтем или обработает машинным маслом.

Терпеливо, изо дня в день, выхаживает она очередную пациентку, а та в свою очередь терпеливо сносит все проводимые процедуры. Кормили кошек тем же, что ели сами – сегодня макароны с фаршем, завтра куриный суп. Иногда им перепадали рыбы головы и плавники, иногда кружочек колбаски. Окруженные всеобщим вниманием, кошки быстро поправлялись, нагуливали вес, шерстка их становилась густой и блестящей.

И все-таки подолгу кошки в музее почему-то не держались. Иная с год поживет, иная два, а потом куда-то пропадают. Куда – трудно сказать. Ушла и все.

Хорошо запомнилась одна совершенно дикая кошка. Откуда она такая взялась – Богу весть. Худущая, грязно-пегая, будто через печную трубу проташили – красавицей уж никак не назовешь. Когда она пришла – никто не заметил. Кошка долго таилась на чердаке дома, прячась в недоступных местах под крышей. Но голод не тетка, и кошка стала понемногу все-таки показываться на глаза, стала спускаться с чердака вниз. Только все равно сидела где-нибудь в отдалении и никого к себе не подпускала. Как только кто-нибудь делал попытку к ней подойти, она припадала к земле, как бы изгибаясь к прыжку, прижимала уши к затылку и устрашающе шипела, показывая мелкие, острые зубы. Вынесут ей поесть, поставят блюдечко на крыльцо, но кошка ни за что не подойдет к еде, пока не оставят ее

одну. Быстро, с жадностью проглотив принесенный обед, она тут же опять забиралась на чердак.

Ну что же, надо было дать кошке хоть какое-то имя, и вот назвали ее Машкой. Муськи уже надоели. Вскоре стало заметно, что живот у Машки день ото дня все круглей и круглей. Вот как хорошо! Вот как поправляется Машка! А женщины с усмешкой переглядываются между собой: «Да, да... Поправляется!..» тогда и до меня дошло – о! да она оказывается в интересном положении.

Предчувствуя появление потомства, за неимением другого, более приемлемого варианта, кошка и нашла себе прибежище на чердаке музея.

Заботливые женщины принесли ватную подстилку. Машка, может быть, и оценила этот знак внимания, но подстилку перетащила на другое, на свое место, куда добраться трудно.

Прошло еще несколько дней, и вот кошка стала все же немного более общительной, даже прилюдно

ела с блюдца. Но погладить – Боже упаси! – никому не давалась, и при попытках приласкать по-прежнему шипела и показывала зубы.

Через какое-то время живот у Машки опал, и мы поняли, что она разрешилась от бремени. Теперь она совсем не задерживалась на крылечке, поест – и тут же на чердак.

Наконец настал день, когда с чердака на крылечко один за другим спустились трое маленьких котят. Они уже довольно хорошо подросли, и на чердаке, в темени, им сидеть, должно быть, надоело. Котята гонялись друг за другом, возились, барахтались в игре. Кошка ревниво оберегала малышей, и если кто-то из них убегал на недозволительное, по ее мнению, расстояние, догоняла озорника, хватала за шкуру и водворяла на место.

Видно было, что ее прямо-таки переполняет гордость за своих красавцев - деток. «Красавцы» же уродились точь-в-точь в мамашу – кривоногие хилыги и все сплошь в мелких пегих пятнышках, тут и рыженькие, и серенькие, и черненькие. В общем серо-буро-малиновые. И вот что интересно – ладно кошка дикая, хотя тоже непонятно – почему, с чего одичала. Но совсем уж удивительным было то, что и котята, совсем-совсем еще малыши, однако и они, как и мамаша, шипели, открывали розовые рты и показывали малюсенькие зубки, если кто-то приближался к ним с намерением приласкать. Да и Машка оберегала их, как зеницу ока, ни в какую не позволяла даже и дотронуться до своих драгоценных дитятки.

Котята подрастали и день ото дня становились

все более самостоятельными. Они шустро спускались с чердака вниз по лесенке, и также шустро, глазом не успеешь моргнуть, забирались туда, если их вдруг что-то пугало.

Машка, хотя и как прежде старалась контролировать обстановку, блюдя безопасность котят, но справиться с тремя сорванцами было все труднее...

И вот, наконец – как это ни удивительно, – но этих полудиких «красавцев», всех троих, у нее разобрали, да и взяли-то в хорошие руки. Как потом говорили, они так и не стали ласковыми котами-мурлыками, чужих рук и глаз так и дичились, но к своим хозяевам все же постепенно привыкли.

Кошка Машка, оставшись без котят, долго не могла найти себе места, все рыскала, все искала их повсюду, но видимо, в конце концов, отчаявшись, куда-то ушла и больше не появлялась.

Динка и Пальма

Бывали в музее и приبلудные собаки. Их не так уж много было, и большинство из них появлялись в музее набегом. Прибежит какая-нибудь "жучка", покрутится у крылечка, угостят ее косточкой. Ну что же, ладно хоть чем-то да поживилась. Спасибо этому дому, побежим к другому. Дня через два "жучка" снова появится. А может и не появится.

Но какие-то из них все-таки и приживались. С год, а может быть и больше, жила у нас небольшая, умненькая и ласковая дворняжка – мы назвали ее

Динкой. Динка довольствовалась совсем малым. Хлебца ей в плоску с супом покрошат, косточек дадут – поест и тут же отойдет в сторону, свернется клубочком, дремлет. Позовут: "Динка! Динка! Динка!" Обрадуется Динка, бежит, голову к земле наклонит, хвостиком виляет. А если уж кусочек колбаски дадут, карие динкины глаза наполняются такой благодарностью, такой признательностью – гляди того выпадут!

Утром Динка каждого, кто ни придет, встретит, попрыгает вокруг ног, позаглядывает в глаза и каждый в ответ погладит Динку по голове. Вечером всех проводит за калитку ограды и опять свернется клубочком где-то в сторонке, в своем уголке.

Ухажеры к Динке не приходили. Наверное, она была уже стара для таких дел. Никаких особенных хлопот Динка не доставляла, и непонятно было, почему она, такая миролюбивая и совсем ненадоедливая собачка, не нужна стала прежним хозяевам, почему она оказалась беспризорной – сказать трудно.

Исчезла Динка из музея также незаметно, как и появилась. Возможно, она ушла от нас, чтобы где-то вдали от людей тихо навсегда уснуть.

Запомнилась выпавшей на ее долю трагической судьбой совсем еще молоденькая сучка Пальма. Темперамент и все повадки ее были полностью противоположными динкиным. Пальме, должно быть, не было еще и полугода. Поэтому она была чрезвычайно подвижна, не то что минуты – секунды не посидит на месте, все бегает, рыскает, без конца что-то нюхает, что-то ищет. По всем признакам Пальма была

полукровкой, помесью породистой охотничьей собаки с дворнягой. Это обстоятельство и послужило скорее всего причиной того, что хозяева постарались от нее избавиться. Но окрас у нее был как у путных охотничьих собак – по белому полю крупные черные и коричневые пятна - заплатки.

Телосложением Пальма полностью еще не сформировалась, и поскольку она все еще росла, аппетит у нее был просто невероятным. Сколько бы и чего бы ей не давали, она все равно не могла насытиться. По делу ей бы надо было на каждый день варить кастрюлю похлебки с костным набором. Надо бы, да вот некому было взять на себя такую обязанность.

Однажды Пальма приволокла в музей пойманную ею на берегу водохранилища чайку и распотрошила ее у нас на глазах. Однако чайку поймать не так-то просто, и больше ей сделать это, видимо не удавалось. Тогда Пальма приняла другое, более простое и более приемлемое для нее решение – она принялась душить и потрошить кур, что паслись на лужайке у дома на соседней с музеем улице. Гены, охотничий инстинкт делали свое дело.

Когда Пальма задушила первую курицу, возмущенная хозяйка пришла к нам в музей жаловаться – что это за безобразие? Ей резонно ответили, что собаку в музей мы не приглашали и ответственности за ее поведение никто взять на себя не может. Когда же собака растрепала еще одну, вторую хохлатку, хозяйка пошла уже жаловаться в милицию.

Вечером, когда в музее никого, кроме сторожа не было, работники милиции принесли Пальме шматок

мяса. О, как обрадовалась Пальма! И как всегда, с жадностью, моментально проглотила лакомый кусок.

Прошло четверть часа, и бедная собака заскулила, закрутилась, упала на землю и задержалась в конвульсиях. Наконец, она затихла, замерла, вытянув вперед длинные лапы.

Утром музейский сторож положил тело Пальмы в садовую тележку, отвез и закопал ее в овраге. Недолго оказался век собаки, в общем-то, очень даже неплохой, но на ее беду оказавшейся бесхозной и так и не нашедшей понимания и приюта у людей.

Сторож Макс

Дольше всех у нас жил, а потому и лучше всех запомнился дворовый пес Максим, или коротко – Макс. Запомнился своей коммуникабельностью, сообразительностью, способностью приладиться к любым жизненным обстоятельствам и ситуациям.

Когда Макс только что у нас появился, ему не по нраву пришлось то, что в дом идут и идут без конца какие-то совсем посторонние люди. Он, видимо, решил выслужиться и стал их облаивать. Ему пояснили – это наши гости и лаять на них нельзя. Макс немножко вроде бы даже обиделся, что его инициативу не поддержали.

Несколько дней, лежа в стороне в траве, он наблюдал за тем, как день деньской бесконечной чередой идут в дом люди – молодые и пожилые, солидные и не очень, а работники музея всех их

приветливо встречают и провожают. И вот у Макса в голове произошла некая перемена, он что-то сообразил и тоже стал встречать всех проходящих помахиванием хвоста и улыбкой от уха до уха. Его похвалили – молодец Макс!

На ночь Максим оставался со сторожами, и ему стали вдалбливать, что вот теперь, ночью, посетители в музее абсолютно не нужны. А такие посетители, особенно летом, были очень даже нередкими. Местечко возле музея в летнее время весьма привлекательно как для молодежи, так и для других категорий празднующихся жителей города. Не знаю почему, но для любителей выпить-закусить очень заманчивым было потрапезничать не просто где-то на травке, на волжском берегу, а именно на территории музея. Они перелезали через ограду, усаживались за столик, что вкопан был под одной из яблонь на примузейном участке, или располагались на крыльце, на веранде с тыльной стороны дома, и пошло-поехало: "Ну, давай за земляка! Давай за Валерия Палыча! Он ведь тоже не редил".

Известно, где выпивка, там – "базар", где "базар" – там курево. А где курево, понятно, что бывает при куреве под пьяную лавочку, да еще и летом, когда кругом все сухо. Для этого и держали в музее ночных сторожей, чтобы блюли порядок, да гнали в шею таких гостей.

Только ведь сторож-то походит, походит маленько вокруг музея, да и в подсобку спать завалится. Не таков, однако, пес Максим. Спать-то, может, и он спит, да ухо остро держит. Чуть где-то только шумнули, где-то голос подали – Макс тут как

тут. Такой злобный, такой остервенелый лай поднимет, что и сторож, хоть и не хочется вставать, а выйдет, шугнет посетителей: "Давай, робя, не будем милицию дожидаться!"

На участке при музее росло несколько яблонь, и хоть яблоками в наше время никого не удивишь, так ведь у нас особенные – "чкаловские". Соблазняют они шантрапу - ребятню. Яблок-то, может, и не жалко, да хулиганства от ребят много. И опять – все их поползновения преследуются Максимом на корню.

Несколько раз за мою службу были попытки проникнуть и в сам дом-музей. Что такого особо ценного надеялись похитить оттуда, не знаю. Но что было, то было. Только было-то до Максима, до того как он у нас появился. Макс, конечно, такого безобразия допустить бы не мог.

Кормился Макс, как и другая живность, что время от времени появлялась у нас, остатками с обеденного стола сотрудников музея. Немного подкармливали его и ночные сторожа – как никак, помощник. Если же пропитания не хватало, а это бывало по осени, когда надо было на зиму накопить немного жирку, Макс отправлялся на промысел за допайком, навещая хорошо известные ему злачные места. Дружелюбного, смышленного пса в этих местах тоже хорошо знали.

Вот подгадает к обеденному часу к пожарке, шныряет, крутится под окнами. Если долго не замечают, твякнет пару раз, и чего-нибудь да вынесут ему, чем-нибудь да угостят.

Понятно, что и в музее он своего не упустит, знает свой час. Вечером во дворе больницы "нарисуется", и там ему что-то перепадет. У большинства хворых

людей аппетит плоховат, остатков после ужина с лихвой хватает всем бездомным бедолагам.

А то вечером после работы увяжется провожать кого-нибудь из женщин сотрудников музея. Проводит до самого дома, ну как же тут не покормить такого галантного кавалера!

По всем улицам, всюду Макса знали и привечали, иной раз чуть не пол-города общастает, но службы своей пес не забывал, к ночи ближе он как штык - на своем рабочем месте.

Сообразительным, смекалистым парнем был наш Макс. Кто-то из сторожей иной раз в шутку скажет ему: "Ах ты, прохиндей! Ах ты, пройдоха!" Макс чихнет пару раз, пару раз тявкнет и, довольный сам собою, ляжет в сторонке, подмаргивает то одним, то другим глазом.

Но и ему случалось попадать впросак. Как-то

Максу после обеда вынесли горсть костей, бросили в траву. Мягкие косточки, ароматные. В скороварке прели, парились. Пес, обрадованный такою щедрою подачкой, улегся на лужайку, деловито принялся за трапезу.

Откуда ни возьмись, появились две вороны. Как будто бы только и ждали, когда Максу дадут костей. Одна ворона села на залобок дома, другая на ограду. Сели так, что пес как раз оказался между ними. Посидели вороны подумали. Однако думали недолго. И вот та, что сидела на залобке, с высоты демонстративно, нагло ринулась на Макса, как бы намереваясь украсть у него косточку. Пес с яростным лаем бросился за нею. Ворона летела над самой землею, словно бы поддразнивая пса. Подразнила, да и взмыла опять на то место, откуда снялась. Но за это время та, что была на ограде, быстрым, резким броском успела-таки стянуть косточку.

Вороны вроде бы улетели, однако через минуту-другую появились опять. И вновь заняли те же позиции. И вновь повторили тот же маневр. Так продолжалось до тех пор, пока вконец измотанный и раздосадованный пес с последней костью не удалился в коридор дома.

Про человека – разиню говорят иногда: "Эх ты, ворона!" Причиной тому, по-видимому, басня дедушки Крылова, в которой ворона представлена этаким раззявой. В действительности же ворона птица чрезвычайно умная и хитрая. Уж на что наш Макс был хитер, а смотри – и его сумели обдурить. И если что-то и пошлет вороне бог – нет, не упустит она своего!

Около дома и дома

Во дворе

Во дворе нашего дома довольно много всяческих зеленых насаждений. Четыре больших березы упираются кронами аж в облака, а с другой стороны – три дубка, и они немаленькие, далеко раскинули корявые узловатые ветви. Неподалеку растут две взрослых лиственницы, липы.

В палисаднике перед окнами стоят, тоже старенькие уже, яблони-дикарки. А еще кустарники всякие – шиповник, вишня, сирень. Где-то куст калины, где-то куст рябины и даже малины. Дикая роза растет и чайная роза, потом какой-то декоративный кустарник с черными по осени ягодами, название которого никто даже и не знает.

Вся эта растительность привлекает в разное время разных птиц – и постоянных жильцов, и сезонных, летних, и пролетных, с наступлением холодов или голодного времени прилетающих подкормиться поближе к человеческому жилью.

Надо сказать, что за хозяйственными сараями, а они находятся тоже во дворе, напротив дома, за этими сараями расположены огородики с различными насаждениями, и потому в летнее время в ареале нашего двора кроме постоянных жителей – воробьев, галок, ворон, – обитают и кормятся пичуги обычные для всякого сада-огорода – трясогузки, малиновки, и даже соловейко иногда вьет гнездышко где-то в глухом местечке, в зарослях малины и вишни.

Летом птицам вольготно, летом что не жить! Жучков-червячков, мошек-блошек – ешь не хочу.

Зимой птичья жизнь посуровее. Однако галки-нахалки, вороны-воровки – они ни зимой, ни летом не пропадут, что-нибудь да сыщут, что-нибудь да стащат. Галок и ворон, обитающих на чердаке соседнего дома и постоянно снующих и шастающих в воздушном пространстве двора, привлекает еще и то обстоятельство, что несколько жителей как нашего, так и соседнего дома держат кур. И вот вынесут хозяйки курам корму, не успеют отойти, как галки-воровки тут как тут, возле кормушек так и выются, так и шустрят.

Много лет во дворе дома жил умный, покладистого нрава пес по имени Боська. Вообще-то кличку ему, когда был кутенком, давали Босс, но не прижилось, Боська как-то легче произносится. Вот вынесут Боське на улицу остатки какого-нибудь супа в плошке, а то иногда и косточек. Конечно, вороны уже рядышком – на заборе палисадника, на нижней ветке дуба, глядят во все глаза, ждут, когда пес потеряет бдительность, чтобы стащить лакомый кусочек.

Боська ненавидит ворон лютой ненавистью, с яростным рычанием бросается то на одну, то на другую. Однако крыльев ему, к сожалению, господь не дал, и воровкам чаще всего с украденной добычей удается безнаказанно скрыться. А то так, не отходя от кассы, – ну, не вредная ли птица! – прямо тут вот на ветке дуба, поддразнивая Боську, и долбают они украденную лакомую кость.

Вражда между псом и воронами не прекращается ни на день. Зимой кто-нибудь насыплет на крышку водопроводного колодца хлебных крошек, пшена или подсолнечных семечек, чтобы подкормить синиц и воробышек. Вот только прилетят милые пичуги, как тут же и вороны появятся. А как же иначе!

Бесцеремонно прогонят малышню, быстро-быстро примутся изничтожать и крошки, и семечки. Через две минуты ничего бы и не осталось, если бы не Боська. Вздыбит шерсть, рявкнет, бросится на ворон, тех как ветром сдует. Лежит Боська невдалеке от чугунной крышки, голова на вытянутых лапах, сторожит. Синички, воробышки опять прилетят, их он не трогает.

Вороны тоже Баську не жалуют и совсем уж не дают ему житья в дни, когда обучается летному делу их подрастающее поколение, В это время какого-

нибудь незадачливого слетка обязательно угораздит скувырнуться, сверзнуться в траву, в крапиву где-то возле сараев или под березами. Только Боська раскатает губу, чтобы похрустеть молодыми вороньими косточками, а вороны – их тут же откуда ни возьмись появятся около десятка – с истеричным, истошным воплем в пике проносятся над самой боськиной головой, и каждая старается долбануть вражину меж ушей. И тому ничего не остается, как недовольно прижав уши и подобрав хвост, восвояси смыться.

... В конце августа дубки начинают ронять желуди, и их внизу, на земле, в траве, видимо невидимо. Для поросят желуди – лакомство, только никто уж сейчас поросят не держит. Сколько добра пропадает зря!

Но вот прошлой осенью повадилась к нам во двор сойка. Сойка птица нарядная, что и говорить. Грудь с оранжевым отливом, на крыльях по бокам голубые зеркальца. Только больно уж нелюдимая, угрюмая эта барышня, подозрительная. Ну, что же – уж таким вот нравом наделил господь.

Так вот, сойка повадилась к нам во двор совсем не зря, не просто так вот – случайно погулять. Оказывается и для сойки желуди тоже лакомство. Сойка трапезничала желудями и прямо во дворе, а еще и уносила их куда-то. Возьмет желудь в клюв и улетит на какое-то время. В книжке я вычитал, что они в укромном месте делают кладовую и делают запасы корма на зиму.

Вообще-то сойка объявилась и начала столоваться возле нашего дома еще в конце августа. Как-то, будучи

во дворе, слышал я птичью трескотню, похожую на стрекотанье сороки. Сорока-белобока – птица заметная, непоседливая, вертлявая, однако, как я ни старался хоть где-нибудь ее увидеть, разглядеть – нет, нет, нигде не видать. И только уж на другой день, услышав такой же треск, заметил в густой листве вишни шебуршанье, но не сороки вовсе, а сойки. Это она, оказывается, трещала от удовольствия, лакомясь перезревшими уже к этому времени ягодами, оставшимся на верхушке высоченной вишни.

В сентябре, когда упавшие наземь желуди обмякли от дождей и земляной сырости, сойка принялась и за них. Подобрал с земли очередной желудь, она взлетела на ветку дуба, крепко прижимала лапой плод к суку и принималась долбить сначала оболочку – скорлупу, а потом уже расклевывала и саму мякоть. Вскоре сойка так осмелела, что уже почти без всякой боязни проделывала эту операцию на продольной прожилке заборчика палисадника, позволяя разглядеть в подробности свое нарядное оперенье. Сойка прилетала за пропитанием во двор недели две. Но вот как она пронюхала, прознала про желуди, что именно тут их навалом, этого я не знаю, не могу про это ничего сказать....

... На яблонях-дикарках, что растут у самого дома перед окнами, каждый год почти остаются в зиму маленькие, чуть больше рябинового плода, яблочки. Как только подступят настоящие морозы, в палисадник на эти яблони стайка за стайкой прилетают покормиться то вертлявые синицы, то меланхоличные снегири, а то и бойкие свиристели. Любопытно бывает посмотреть, понаблюдать за ними из окна.

Синицы налетят с наскоку и сразу поднимут такой писк, устроят столько суеты и возни, что хочешь не хочешь, а так и выглянешь в окно, чтобы узнать, что же такое у них стряслось.

А они в свою очередь, то одна, то другая, уцепившись острыми коготками в край форточки, сами снаружи заглядывают в окошко, будто любопытствуя, кто, дескать, тут живет и что там у них происходит.

Глядя на суетливых синиц, иногда покажется даже, что половина их движений бесцельна, напрасна или же производится для того, чтобы согреться, не замерзнуть окончательно на студенном ветру, как скажем, это делает и человек, притоптывая и прихлопывая на морозе.

Только вот почему же тогда в такой же холод так неповоротлив снегирь? Он и не шумлив, и не суетлив. Сядет на ветку и, медлительно вытягивая шею, достает клювом яблочко, что висит чуть пониже его самого. Посидит, посвистит немножко. И, не переступив ни шагу, тянется за другим яблочком, что висит повыше. Синица за это время уж пятьдесят раз сменила бы место. У снегиря, может быть, своя жизненная установка – сяду вот, надуюсь, распушу пух и перья и буду сидеть, чтобы не растерять тепло понапрасну.

А еще в палисадник прилетает изредка какая-то одинокая и загадочная птица, которую мы с женой посчитали за дрозда-дерябу. Большая птица, снегиря много больше. Серая, грузная. А глаз круглый, сторожкий. Клюв длинненький, острый, как шило, и как-то нелепо вздернут кверху.

Как только прилетит эта нелюдимка, синицы и снегيري сразу же уступают ей место, перелетают на другую яблоню. А та, хоть и неуклюже, но неспеша рассевшись, принимается за свое дело, за трапезу. Всем своим видом и поведением напоминает она бабугорговку из таких, с которыми даже ее товарки не желают рядом стоять за прилавком, а отходят и отодвигаются подальше.

Бывает, пошумят вокруг яблонь и воробьишки - шпанцы, а то и сорока навестит палисадник. Но вот, откуда ни возьмись, появятся на яблонях свиристели или стая дроздов. И если уж они тут поработают, то после них не останется ни яблочка.

Но как только по настоящему повеет весенним теплом все эти зимние гости и гостьи улетают в леса. Теперь и там корма вволю.

Учлет

Я уже упоминал о том, что под крышей соседнего дома вот уже несколько лет гнездится и выводит птенцов целая колония галок. По весне, усевшись на "усы" телевизионных антенн, они любезничают, обмениваются нежными комплиментами. Потом принимаются таскать под крышу прутья и все то, чем можно починить старые гнезда. Какое-то время спустя,

галки неустанно таскают на чердак все, что только удастся им добыть из съестного, чтобы прокормить ораву беспрестанно галдящих ненасытных птенцов.

А когда приходит пора ставить галчат на крыло, то учебный летательный полигон галки неизменно всякий год устраивают напротив нашего дома на огородах за сараями.

Зная, видимо, что все новое лучше всего усваивается с утра, галки принимают за учебу часов с пяти, а то и раньше. Вот и сегодня они ни свет, ни

заря подняли такой невообразимый шум, что пришлось встать и посмотреть – что же такое там у них происходит.

Подросток-галчонок, неуклюже переступая, растопыривал крылья, хлопал ими, пытался оторваться от земли, но безуспешно. Всякий раз он скувыркивался в траву.

Отец и мать, сидя на изгороди, наставляли неразумное чадо.

– Так! Та-а-а-ак! – подбадривала мать.

– Не так! Не та-а-а-ак! – раздраженно возражал отец.

– А как? Ка-а-а-к? – хныкал ученик.

Тут, как на грех, незаметно подкрался пес Боська, бросился на галчонка и едва не ухватил его за хвост. С перепуга юный "учлет" собрал все силенки, взлетел и кое-как примостился на спасительную жердь забора. Мать же, увидев пса, в ту же секунду стремительно ринулась вниз, спикировала над ним, норовя долбануть пройдоху по башке.

– Кар-р-раул! Дур-р-рак! Убирайся прочь! – подняла она истошный вопль.

Сразу же, как - будто того и ждали, собралось на крик на выручку больше дюжины соседок - галок. С отменной бранью кинулись они на бедного пса, и тот, облизываясь и сожалея, что номер не прошел, ретировался.

Галки, рассевшись по проводам электролинии, долго еще крыли по всем швам шкодливого пса, потом переключились на галчонка:

– Как тебя угор-р-раздило?

– Р-р-раз-зява!

Прилетела серая ворона, уселась на столбе. Истово, как старуха на богомолье, наклоняясь всем корпусом вперед, она стала давать советы:

– Выдр-р-р-рать! Дать р-р-рвань!

На шум – неизвестно откуда взялся – прилетел даже черный ворон. Думая, может быть, что-нибудь нашли, что-нибудь делят, что-нибудь отколется и ему. Но, увидев, что ничего серьезного не происходит, брезгливо буркнул:

– Р-развели базар-р-р!

Между тем галки-соседки, убедившись, что беда миновала, а с галчонком мороки предстоит еще не мало, а между тем у каждой свои детки, свои заботы, разлетелись по сторонам.

Точно также поступили и серая ворона, и черный ворон. И на жерди забора остались сидеть трое – папаша, мамаша, и их незадачливый питомец.

– Какой ср-р-рам! Позор-р! – кричала мамаша.

– Бестолочь! Тр-р-р-ус! – негодовал папаша.

Галчонок только виновато потряхивал хвостом, да мелко вздрагивал опущенными крыльями.

– Бездар-рь! – продолжал отец. – Я в твои годы летал как орел. Из гнезда и прямо в небо.

Матери стало жалко галчонка.

– Ка-а-ак же! Уж ты летал! Тебя и сейчас нет-нет да занесет в сторону, – галка в неприязни даже отстранилась от супруга, переступив по жердочке на шаг в бок, потом еще на два.

– Нет! Весь в ма-ать! Моим тут и не пахнет!

Круглые белые глазки галки-мамаши сделались еще круглее и злее:

– Ха-а-ам! Нахал!

В это время галчонок снялся с жердины, задев крыльями вершинки полыни и лебеды, сделал несколько взмахов, и к своему удивлению поднялся в воздух и довольно удачно приземлился на крышу соседнего сарая.

– Ка-а-аков! – радостно воскликнула мать.

– Тала-а-а-нт! Талант! – закричал отец. – Так же и я начинал!

Родители счастливыми круглыми глазами взглянули друг на друга, разом снялись с жердины и полетели к своему питомцу.

Боська, Максик и Муха

Ну что же, Боська – это Боська. Но у нас есть и свой пес, зовут его Максик, и живет он вместе с нами в квартире вот уж, считай, двенадцатый год. Совсем маленьким месячным щенком подарили нам его наши дети Миша с Лидой. Тогда у него и имени еще даже не было, и был он смешным, кривоногим и глупеньким малышом.

Дали малышу имя, назвали Максимилианом. Но даже и Максимом звать такого кроху язык не поворачивается, вот и стал он Максиком. Сделали Максику домик из картонной коробки, купили резиновых игрушек, и зажил он, можно сказать, припеваючи.

И мать и отец у Максима классические гладкошерстные таксы, он же один из всего помета

получился жесткошерстным, то есть с шерсткой длинной и курчавой. Почему так – одному богу ведомо.

Когда Максик более-менее подрос и окреп, стали его выпускать на улицу, и вот стали они с Боськой затевать всякие игры, возиться, бороться, вперегонки носиться друг за дружкой. Боська почти ровесник Максику, постарше его всего месяца на два, на три, но гораздо крупнее его, потому что порода у него другая, помесь колли с кем-то еще, скорее всего с дворнягой. Вот поэтому сразу же и стал одолевать Максика во всех играх. Максик быстро понял, что хоть ты расшибись тут в доску, а Боська все равно его обгонит и поборет. И тогда он раз и навсегда принял по отношению к Боське тактику гордого высокомерного поведения, перестал принимать его предложения побегать и поиграть, и вообще перестал обращать на него внимание. В упор тебя не вижу – вот и все.

К зиме Максик заметно подрос и, хотя достиг комплекции соответственно своей породе, но все равно так и оставался кривоногой шустренькой собачкой. А говорят же – маленькая собачка до смерти щенок. Вот так и наш Максик. И имя – как приклеилось, так уж навовсе. Максик да и все тут.

Боська же, когда вошел в возраст, сделался умным, степенным псом. Найдет наш Максик на улице пустую пластиковую бутылку и ну ее гонять, и ну с ней носиться, потом домой как бесценное сокровище тащит. А Боська лишь снисходительно поглядывает на его ребячливую дурашливость.

Вынесут Боське супу или костей, он никогда не бросится на еду с ходу да с налету, хотя наверняка

иной раз не то, что поесть – пожрать охота. Нет, он подумает сначала, не спеша подойдет, полижет и еще подумает, и только после этого неторопливо примется за трапезу и, в конце концов, плоску вылизет дочиста.

Попрошайничать? Нет, до этого тоже Боська не может опуститься. Хотя, конечно, когда подводит живот, на что не пойдешь. И Боська тоже в таких случаях отправлялся в отхожий промысел, то к больнице в надежде получить подачку от работников больничной кухни, то под окна соседнего дома, где всегда его угощали куриной косточкой.

Иногда Боська пропадал со двора дня на два, на три, и все уж начинали беспокоиться и сокрушаться – все, пропал Боська. Да нет, вон он опять лежит на своем привычном месте, откуда хорошо просматривается и весь двор, и проезжая часть улицы. Не просто лежит – несет дозор.

Когда мы с Максиком отправлялись погулять за сады, за кладбище, чтобы он там побегал, порезвился в чистом поле, на просторе, то и Боська тоже был очень даже не прочь присоединиться к нашей компании.

Однако Максику это не нравилось, и он всякий раз предпринимал попытки прогнать его – не твой хозяева – и убирайся, не ходи. Гонору столько, что едва-то едва поддается нашим увещаниям. В поле все же бывало, что и побегают немного вместе, но дружбы из-за спесивого характера нашего питомца у них так и не получалось.

Боська же был настолько великодушен, что прощал Максику все бестактные, а порою просто шкодливые выходки, и постоянно держал Максика под своей опекой.

Вот забежит во двор какая-нибудь шалая собака, и будь она величиной хоть с медведя, Максик с визгливым лаем первым кидался на непрошенную гостью, и хорошо перепало бы ему на орехи, если бы не Боська. С утробным рыком, галопом мчал он на помощь, на выручку задиристому забияке.

Во время наших с Максимом ежедневных коротких прогулок по улице Боська как истинный телохранитель сопровождал нас, шел следом или чуть впереди и всенепременно вмешивался в ситуацию, если считал, что она грозит Максику хоть малейшей опасностью. Часто, если даже обстановка бывала совершенно спокойной, все равно он упреждающим лаем сотрясал воздух, рывкал направо и налево, давая знать, что он тут не просто так, а при делах. Так что Максику за Боськой жилось, как за каменной стеной.

За покладистый добродушный нрав Боську любили почти что все жители нашего дома. Непонятно почему невзлюбил его с самого начала один только Борис Иванович. Безо всякой на то причины то пнет его, то обругает, то палкой, то камнем угостит. Боська едва завидит обидчика, тут же старается скрыться куда подальше.

Но вот Борис Иванович взлютовал уже не на шутку, это после того, как Боська немножко тяпнул за палец его любимую внучку.

А как дело получилось? Жарким летним полднем Боська сладко спал на прохладном полу в подъезде, внучка же бегала, бегала по лестнице то домой, то из дому и угораздило ее наступить Боське на лапу. Ну что тому оставалось делать? Лизнуть за это внучку в щечку? Совершенно естественная реакция поступила

со стороны Боськи, и прихватил-то он пальчик внучке совсем немножко, но теперь уж повод для войны не на жизнь, а на смерть, настал неминуемый. Дело дошло до суда, тяжба шла долго. И хоть остался Боська в результате этой истории живым, злобу против него таил Борис Иванович до конца своих дней.

Как-то случилась в жизни Боськи еще одна самая настоящая трагедия. Во время собачьей свадьбы стая разорвала, загрызла насмерть любимую Боськину сучку. Такое бывает крайне редко, но вот случилось. Два дня Боська безотлучно сидел возле мертвой подруги, пока наконец ее не убрали. И потом, с разорванным ухом, сам весь искусанный, долго еще ходил по двору не находя себе места. Переживал, не ел, не пил. Подойдет, будто рассказать, будто сказать что-то хочет, а в глазах безмерная, безумная, страшная тоска...

Боську любили и подкармливали не только жители нашего дома, но и соседних домов.

То косточек ему вынесут, то остатки супа в миску плеснут. И я любил Боську. Вот станешь его за ухом чесать, по горлышку погладишь, а Максик уж тут как тут, ревнует, нос сморщит, зубами лязгнет, страху наводит. Боська уши прижмет, недовольный, но отойдет в сторону. Никогда не обижал Максика, разве что рывкнет, когда этот маленький прохиндей посягнет на его собственность, исподтишка попытается стянуть Боськину косточку. Косточку Боська уже всю обглодал, и не нужна она ему, но не Максика же ее уступать.

И так вот – хорошо ли, плохо ли, хоть и не очень-то дружно, но все же сосуществовали Максик с

Боськой. И тут произошло событие, которое нарушило и привычное течение их жизни, и вообще нарушило привычную жизнь двора. Совершенно неожиданно, нежданно, негаданно во дворе появилась приبلудная собака, совсем еще молоденькая сучка-гончая. Появилась и не уходит, льнет ко всем, кто бы ни прошел, кто бы не появился во дворе. На собачке самодельный ошейник из поясного ремня, а на ошейнике обрывок капроновой вязальной бечевки. Что случилось с собачкой, откуда она взялась?

Стали думать и гадать – кто сделает предложение, что ее выгнал нерадивый и безжалостный хозяин-охотник, кто скажет, что, может быть, ее хотели выкрасть, да ей удалось сбежать, а кто, что просто потерялась и теперь не может найти свой дом.

А худущая-то какая собачка, живот подвело и ребра выступают наружу, давненько, видать, покушать не доводилось. Сердобольные женщины вынесли ей в миске супу, две-три секунды – и плошка пуста, да так чиста, что и мыть не надо.

Ну что – раз покормили, два покормили, теперь собачку хоть палкой гони – разве уйдет. Шустрая собачка, только вот беспокойная уж очень и чешется беспрестанно. Я заглянул, а там – мама родная! Вшей, блох – видимо, невидимо. Отожрались, все жирные, как поросята. Быстренько сходил домой, взял расческу и давай их вышвыривать. А собачка и не сопротивляется, так, видимо, они ей осточертели. Вытянула и задние, и передние лапы – о, длиннющая какая!

Да что это все – собачка, да собачка. Нет, не годится так. Какое, никакое имя надо дать. И вот

назвали ее Пальмой.

У Боськи к Пальме претензий особых нет. Только вот когда вынесут ей супу, он тут представляет свои права. Ведь суп всегда выносили ему, а теперь его прогоняют, и он обиженный, недовольный, уходит, ложится подальше где-то в стороне. Хозяева Боськи стали Пальму шпынять, прогонять со двора из-за того, что теперь все внимание перешло на нее, и Боське не достается доппайка. Один раз треснули так, что и губу ей рассекли. Ах, люди, люди!...

День за днем вышвыривал я из Пальмы вшей да блох, и день ото дня становилась она все резвей, веселей, и шерстка стала блестящей, и провалившиеся бока стали округляться. Отъелась Пальма, и заиграла в ней молодая, горячая кровь, ко всем-то пристаёт, силы нет, как хочется поиграть, хватает всех то за ноги, то за руки, то за подол, то за штаны. Ну, прямо нет от нее спасу!

Если между Боськой и Пальмой с первых же дней установился холодный нейтралитет, то с Максиком, поскольку он поменьше и не так страшен, Пальма постоянно пытается наладить контакт, все задевает его, заигрывает. Ведь она совсем - совсем еще подросток, ну, месяца четыре, может быть, пять, не лежать же ей, да спать без конца, поиграть охота!

Вот подойдет к Максику, лапой по голове потрогает – случаем, не зайчик ли это рыженький? Да нет, вроде не зайчик. Максику такая фамилльярность не нравится, бросится за Пальмой, та от него. Максик пока один круг вокруг берез бежит, Пальма его за это время три раза обставит. Нет, такие соревнования Максику не по нутру, и он так же, как и с Боськой, и с Пальмой не желает дружить. Тогда Пальма одна, без Максика, покушает супчику и ну нарезать вокруг берез круг за кругом. Вот как-то неловко подвернулась нога, споткнулась да на всех скоростях головой об

автомобильную крышку, что в качестве бордюра клумбы лежит во дворе. Взвизгнула то ли от неожиданности, то ли от испуга, но тут же оправилась и вновь помчалась, понеслась что есть мочи!

А глаза у Пальмы – не глаза, а самоцветы! Так и полыхают молодым задором и огнем, так и бегают в них озорные бесенята!

Не знает Пальма, куда девать кипучую энергию юности, но вот остепенится немного, и сразу видно, что она большая умница. Бывало пойдешь куда-нибудь подальше – в сад или в магазин, и она за тобой увяжется. Скажешь:

– Пальма, не ходи.

И еще раз повторять не надо, сразу же вернется во двор.

В коротких ежедневных прогулках с Максимом теперь нас стала сопровождать Пальма, а не Боська., хотя и ее компания нашему зазнаистому дружку не очень-то по нутру.

Во время одной из таких прогулок мимо нас проезжала на велосипеде какая-то женщина, обернулась, позвала – Муха!

И наша Пальма вздрогнула, встрепенулась, побежала было вслед за нею. Но женщина уехала. С тех пор стали звать собачку Мухой.

Все так, но не дело жить собаке без хозяина. Кому только не предлагал я, да и другие жители нашего дома, взять Пальму под опеку. Всех знакомых охотников обзвонил – нет, никому не нужна. Вот кто-то вроде бы и согласится, потом нет, опять раздумают.

В конце августа стали уже подступать и холода. Муха на ночлег стала устраиваться в подъезде,

свернется калачиком на лестничной площадке, спит, вроде бы никому и не мешает. Но нет, кому-то все же мешает, и вот эти "кто-то" идут мимо и то пинка ей, то тычка.

Как-то раз Муха набегалась вокруг берез до умопомрачения, язык до земли. Вынес я ей целую плошку воды, она всю ее тут же одним махом и выглохтала.

А утром на лестнице в коридоре – огромная лужа. Эх, Муха, Муха! Пришлось самому же и убирать от греха да от скандала подальше. И вот уж действительно хуже назойливой мухи надоедала собачка Муха нашим огородникам, что за всякий день копошились на своих участках за сараями. Вот копает там кто-нибудь картошку или морковь выдергивает, а Мухе скучно, поиграть охота, то за рукав, то за штанину, то за ногу хватает. Закроют калитку – Муха щель где-нибудь найдет и опять в огороде.

Привязали ее к изгороди веревкой за ошейник. Ага! Так и будет она сидеть, хочется ей сидеть на привязи, извивается ужом, вылезает из ошейника, и чуть только застали, хрипит уж, едва не удавилась в этом ошейнике. Беда, да и только!

Что делать с Мухой? Куда ее девать?

И вот нашли все же куда. Приехал из Заволжья какой-то бизнесмен что ли, но охотник, настоящий охотник.

Стали ловить Муху, а она не дается, убегает. Поймали все же кое-как. Визжит Муха изо всех сил, лает благим матом, чует неладное. Я дома в это время был, как услышал – захолонуло все внутри, сердце схватило. Выбежал на улицу, будь что будет – не

отдам Муху. А ее уж в это время в машину втроем закидывают изо всех сил. Упирается Муха, визжит, и слезы из глаз катятся градом. О, господи! И у меня ком подкатил к горлу, и у меня слезы – не проглотить...

Недели две не мог прийти в себя, вот какая тоска была... Вот как свыкся с собачкой.

Через год я разузнал, вернее, удостоверился, что Муха попала все-таки в хорошие руки, и хозяин у нее порядочный человек, и живет ей хорошо. Ну что же, и ладно, что все так обернулось. Вспоминает ли Муха вольное время, проведенное у нас во дворе? Едва ли...

Боська же после того, как Муху увезли, вновь вступил в свои права. Всем простил то, что перестали его замечать да привечать, да косточками угощать. Опять всех встречает радостным лаем, опять ко всем ласкается.

А сколько радости, сколько счастья у него бывало, если позовешь погулять! Сразу рот до ушей, чихнет раза три, и по земле поваляется, и вот уж галопом, вскидывая задние лапы, помчал вперед.

Но вот стали замечать, что все больше и больше хромает Боська. То ли авитаминоз, то ли атеросклероз. Все чаще и чаще лежит грустный, задумчивый. Позовешь – и глазом не поведет. Эх, вернуть бы это время назад, вызвать бы к Боське ветврача. Да думали – ладно, полежит, да поправится.

А Боське, что не идет время, все хуже да хуже. Вот зашли чужие собаки во двор, Максик, как всегда навел на них рысь. И Боська с трудом, из последних сил встал – как же надо помочь, надо выручать Максика, но и двух шагов не сделал, упал как подкошенный.

Наконец вызвали врача, сделали укол. Боська лежал уже равнодушный, даже не сопротивлялся. Вечером ушел за гаражи, кто-то увидел его, беспомощно лежащего в луже. Привезли на тележке домой, но ночью ушел он все-таки. Ушел умирать.

Нашли Боську на третий день, закопали в огороде в уголке.

Максик же, как ни прохладно относился к Боське, а хватился все-таки его, долго вынюхивал все углы около его конуры, где он лежал в последнюю ночь, долго искал и в нашем дворе и во дворе соседнего дома, недоумевал, куда же тот мог запропасться.

А у меня опять как тогда, как два года назад, когда увозили со двора Муху, а я ничем уже не мог ей помочь, опять заболело, защемило в груди от подспудного чувства вины, от беспомощности что-либо изменить, исправить. Ведь с какой преданной добротой и лаской лънул пес к каждому человеку, а ему в трудный час никто не помог...

Гаврюшка

Поздним осенним вечером – пожалуй, дело уже было ближе к полночи, – я что-то припозднился и в сладкой полудреме сидел в кресле с книжкой, совсем уж ничего в этой книжке не видя, просто сидел и наслаждался тишиной и полным покоем тела и души.

Но вот мою дремоту что-то обеспокоило, что-то заставило насторожиться. Показалось, будто бы некая серенькая тень промелькнула по верху батареи водяного отопления. Да нет, наверное, так и есть, что

только показалось, привиделось в полусне. Тем не менее сонливость прошла, мозги будто бы обдало легким сквознячком.

И вот через минуту-другую из-за батареи на середину комнаты, на середину ковра, посланного на пол выкатился малюсенький серый комочек. Мышонок! Вот так дела! На середине ковра он замер в растерянности, не зная как дальше поступить, и так в оцепенении сидел довольно долго, позволяя хорошенько разглядеть себя.

У мышонка на головке торчали маленькие полукруглые ушки, и поблескивали совсем уж крохотные черные бусинки глаз. Глазки глядели с простодушным детским любопытством и с пугливостью в одно и тоже время. И еще как-то немного виновато и грустно. Мышонок как бы в смущении хотел сказать – ну, что же теперь поделать, если я еще совсем-совсем маленький и глупый.

Я сидел не шевелясь и почти что не дыша, боясь хоть малейшим движением спугнуть малыша. И вот он, немного подумав, принял меня, очевидно за существо неодушевленное и безвредное, посеменял, посеменял и забрался ко мне на носок домашней тапочки. Но тут же видимо унюхал и заподозрил что-то неладное и скрылся там же, откуда и появился.

Прошло какое-то время, – может неделя, может две – и мышонок все чаще и чаще стал объявляться на кухне совсем еще не поздним вечером, а то так и прямо средь бела дня. Большие мыши, надо полагать, его родители, по ночам за холодильником, за газовой плитой устраивали такой трам-тарарам, что от этого шума просыпались и я, и жена. Можно было подумать,

что они там катают камни-булыжники. Но днем они тихо и смирно сидели где-то в своих норках и не бузотерили.

Маленький же мышонок не очень-то стеснялся и то и дело выходил на промысел задолго до того, как мы выключали свет и ложились спать. Он заметно подрос и стал отчаянным и ловким сорванцом. Прямо Гаврош какой-то. Гаврош? Да ну, какой Гаврош. Гаврош он где-то там, во Франции, жил-был. И мы называли мышонка Гавриком, Гаврюшкой.

Гаврюшка был прирожденным акробатом, по задней стенке холодильника он забирался на его верх и проверял не оставили ли, не забыли ли там чего-нибудь вкусенького или хотя бы съедобного. С холодильника спрыгивал на подоконник, и там искал, чем можно было бы поживиться. Ага, вот лежит оставленная на семена спелая помидорина, и Гаврюшка пробует ее на зуб.

Затем Гаврюшка спускался на пол и по оконной шторе забирался наверх посудного шкафа на высоту более полутора метров. Однажды жена забылась, забыла о Гаврюшке и поставила на шкаф положенный на тарелку кусочек торта, оставшегося после дня рождения. О, Гаврюшка самым наилучшим образом отпраздновал в тот вечер день рождения хозяйки, оставив ей в подарок россыпь черных зернышек помета.

Ему не составляло никакого труда забраться наверх газовой плиты, стиральной машины, на кухонный разделочный стол, все обследовать и проверить.

Вот как-то вечером понадобилось мне на кухню —

проглотить таблетку от головной боли. Включаю свет, а из прорези тостера сиганул и тут же слинял наш Гаврюшка – только пятки сверкнули! В тостере жена поджаривала для утренних бутербродов скроешки белого хлеба. На дне углублений, куда вставляются кусочки, со временем накопилось довольно много поджаристых, ароматных крошек. Этот запах и ввел Гаврюшку в соблазн. Почему бы и мне не отведать жареного хлебца, хозяевам можно, а мне что – нельзя?

Однако прорези – углубления тостера очень узки, с палец всего шириною, и как он туда забрался, да потом сумел еще и выбраться – уму непостижимо!

Жена вычистила и вымыла тостер, прикрыла прорези разделочной дощечкой. Но мы сжалились над маленьким мышонком – положили рядом с тостером корочку ржаного хлеба. На другой день корочки, конечно же, как не бывало. Я отломил и положил на это же место кусочек зачерствевшего батона. Через пять минут включаю свет – кусочка уже нет. Отщипнул еще кусочек, через минуту включаю свет – пусто! Вот так Гаврюшка!

Стоило только немного забыть о существовании мышонка, как он тут же давал о себе знать.

Вот после приготовления обеда на кухонном столе осталась лежать морковка с обрезанной с торца попкой. Вечером включаю свет, а Гаврюша всю трудится, будто на токарном станке снимает фаску с торца морковки. При моем появлении он с явным неудовольствием оставил свое рабочее место.

Но это что! Гаврюшка проделывал совсем уж неподдающиеся умственному анализу вещи. На кухне хранились у нас в пластиковой коробке с крышкой тыквенные семечки. И вот мы стали замечать, что около коробки появляются вылущенные створки семечек. Гаврюшка! Но как он туда проникал – уму непостижимо! В предыдущей жизни наш мышонок был не иначе как каким-нибудь Дэвидом Копперфилдом. Правда в коробке сбоку была трещинка – щель, но в нее не только мыши, мухе невозможно было пролезть.

Эти тыквенные семечки были немного влажноваты и жена положила их подсушить на сушилку, укрепленную над газовой плитой. Сетка сушилки поддерживалась четырьмя стальными стержнями на высоте около полуметра. Но и там к своему удивлению мы обнаружили вылущенные

семечки. Как можно забраться на полуметровую высоту по металлическим стержням толщиной не более трех миллиметров – уму непостижимо! Загадка!

Кроме того, что Гаврюшка был фантастически ловок, он был еще и очень любознателен. В маленькой комнатке у меня устроен шкаф-стеллаж с ячейками, где хранятся художественные принадлежности – масляные, temperные, гуашевые и акварельные краски, коробочки с простыми и цветными карандашами, бумага и картон, ножички, кнопки и скрепки и много еще всякой всячины. В свое время ни сыну моему, ни внуку до моих принадлежностей не было никакого дела.

Но не таков был Гаврюшка. Каким-то образом он пробрался в мой шкафчик и все-то все в нем вынюхал, проверил и исследовал каждую полочку, везде насорив мелких черных зернышек помета. Что-то он даже попробовал и на зуб. Погрыз немного восковую свечу, обгрыз несколько карандашей, прогрыз даже свинцовую оболочку засохшего тюбика масляной краски, но краски сейчас все больше на основе химических соединений, содержимое тюбика Гаврюшке, видимо, пришлось не по вкусу, и он бросил это дело.

Взрослые мыши на кухне засветло появлялись редко. Как более опытные и умудренные жизнью, они понимали, что ни к чему лишний раз обращать на себя внимание, да и по ночам они шуровали и орудовали в основном на веранде, где еще с осени хранились кое-какие запасы.

В корзине лежали яблоки, антоновка и какие-то красненькие. Но они, в отличие от крыс, если уж

выбирали, облюбовав какое-то понравившееся яблоко, то именно его и старались доделать да конца. Крысы же портят все и сразу, им надо каждое попробовать, жадность их не имеет предела. На веранде у меня в холщевом мешочке хранился молотый мездровый клей. Мыши пронюхали, решили, что это вещь неплохая, полезная для здоровья. Пришлось клей пересыпать в металлическую банку с крышкой, Ну и, конечно же, обычное дело – мыши обгрызли корешки старых журналов и книг, что в стопках лежали на веранде.

На все на это мы как-то глядели сквозь пальцы. Но вот в очередную среду жена принесла с почты очередной номер газеты "Аргументы и факты". Там среди разной прочей информации была напечатана статья, где говорилось о том, как вредны расплодившиеся в последнее время в невероятном количестве крысы и мыши, что они, эти твари, являются переносчиками возбудителей самых страшных болезней – чумы и прочей заразы.

Ну, все – хватит заниматься ерундистикой, хватит с этими мышами играть в бирюльки. Пора дать им бой. В одну из прошлых зим мы пытались бороться с мышами с помощью мышеловок, но они очень ловко стаскивали наживку с острия сторожка, а если и попадалась какая-нибудь раззява, то никто – ни я, ни жена – не хотел возиться с этой искалеченной, но живой еще мышью и выбрасывать ее из капкана.

Поэтому на сей раз жена купила мору, насыпала его на листочки бумаги, сдобрила для аппетита льняным маслом и разложила их на веранде, под холодильником, под газовой плитой.

День прошел, а может быть два. Смотрим – мыши весь корм съели. Ну, что же – подбавили еще. Съели и это. Хорошо, питательно и вкусно, давайте кладите еще. Значит яд недостаточно силен, или же мыши к нему адаптировались, решили мы.

Но вот как-то – еще и время было не позднее, где-то после обеда из-за посудного шкафа на середину кухни еле живой ползком выполз мышонок, наш Гаврюшка. Выполз и лег ничком, положив голову на бочок на передние лапки. Глазки его погасли, затуманились, откроет на немного и опять закроет. Задние лапки время от времени дергались в слабой конвульсии. Я смотрел на страдания Гаврюшки, и сердце мое сжималось от боли. Доза яда, безвредная для взрослых мышей, для него оказалась вполне достаточной.

Мышонок и вышел к нам в последнюю тяжкую минуту, может быть в надежде, что мы чем-нибудь поможем ему в приключившейся с ним беде. Откуда ему было знать, что мы сами и устроили ему эту беду.

А мне почему-то еще казалось, что он выполз умереть у нас на глазах, чтобы укорить и усовестить нас. Дескать, что же уж вам так жалко было какой-то корочки хлебца, морковки, яблочка. Много убыло у вас что ли?

Наконец мышонок затих наовсе. Веником я зашвырнул его в совок, выбросил в унитаз и слил воду.

Ах, Гаврюшка, Гаврюшка! Угораздило же тебя с твоим-то умом и талантами родиться мышонок!...

Через минуту другую из-за посудного шкафа, оттуда же, откуда недавно выполз мышонок, быстро шмыгнула за батарею большая горбатая мышь с

вздыбившейся на загривке рыжей шерстью. Меньше секунды была мышь в моем поле зрения, но и в этот короткий миг я не мог не почувствовать исходивший от нее сильнейшей эманации злобы и ненависти.

Под небом ясным

На реке

Бывать наедине с загородной природой приходится, к сожалению, гораздо реже, чем хотелось бы. Гораздо реже, чем, скажем, на приусадебном участке. И все-таки – не надо Бога гневить – в лесах и перелесках, полях и лугах, на берегах речек и заливов, на деревенских проселочных дорогах мне доводилось бывать все же чаще, чем многим и многим другим. А связано это с моим увлечением пейзажной живописью, коей занимаюсь я, почитай, с отроческих лет. Сколько весенних голубых дней, сколько летних упоительных колдовских вечеров, сколько роскошных осенних пиршеств прошло, проплыло перед зачарованным взором за жизнь!

Были у меня и свои любимые, насиженные, "намоленные" места, куда всякий год в ту или иную пору отправлялся я, предвосхищая душевную радость от встречи то с душисто цветущими вербами, то ли с березками, окутанными нежно-зеленым майским дымком, с разноцветьем июньского луга, с давними приятельницами осинками, вырядившимися к осени в парчовые огненно-пурпурные наряды. Одним из таких пристрелянных, давно обжитых мест была у меня окрестность за Сицким возле моста через речку Санахту. Что и говорить – привольное, приманчивое там местечко! И с правого и с левого берега почти что к самой воде подступает лес, но не густой, не угрюмый, а какой-то уютный, с полянками, с

лужайками, удобными для отдыха. Река в этом месте делает поворот, и в излучку выступают там и тут полуострова, поросшие ивняком, ольхою, а у самой воды окаймленные стеною густой осоки. Посредине речки – небольшие островки, и они тоже сплошь покрыты камышом и осокой. Потому то это место и любимо не только мной одним.

Еще не успеет река и ото льда полностью освободиться, а вот уж и рыбачки тут шастают, кто с удочкой, кто с сеткой, кто с бреднем. Не успеет солнышко как следует землю прогреть, как по обеим берегам гуртятся компании любителей выпить-закусить, ушицы да шашлычка покушать на свежем воздухе. Ближе к вечеру на автомобилях крадутся, пробираются в укромные потайные местечки парочки влюбленных, а что тут поделаешь – весна, май! – все ликует, все кукует. В общем, весною у моста довольно оживленно бывает, однако же всем хватает места, никто никому не мешает.

И вот, как это ни удивительно, несмотря на шумное, суетливое, да что там суетливое – идиотическое чаще всего – присутствие и поведение человека, эта излучка с заводями, камышами, болотистыми низинками очень даже привлекательна и для всякой живности, какая чаще всего выбирает для своего обитания уголки тихие, укромные, сокрытые от человеческого глаза. Значит есть для нее, для живности, в этом местечке какой-то свой интерес, какие-то свои достоинства и преимущества, что заставляют мириться с доставляемыми время от времени неудобствами. Да ведь и не за всякий день уж бездельники маются дурью на берегах, а если таковая

неприятность все же случается, то всегда есть возможность надежно спрятаться, скрыться на время от людского глаза в неприступных зарослях осоки и камыша.

Интересно, привлекательно это местечко и для меня, привлекательно прежде всего своей живописностью, разнообразием прибрежной растительности, прихотливым рисунком очертаний выступающих в гладь залива полуостровков и островов. И мне хватает здесь места, когда приезжаю я сюда со своим старым закадычным другом-этюдником. Располагаемся мы с ним, с этюдником, пусть уж и никак речная живность, не в камышах да в осоке, и все-таки тоже стараемся присесть подальше от людского шума и суеты, где-то в сторонке, а всего лучше приехать сюда в такие дни и часы, когда этой мельтешни поменьше.

Вот выбран мотив, обдумана композиция, разложены краски. За работой, за этюдником, сижу я тихо, почти неподвижно, так что то, что прячется в камышах и осоке, вскоре ко мне привыкает и потихоньку выходит, выплывает, появляется на божий свет, и тут становится возможным иногда даже довольно близко наблюдать и самих речных обитателей и их поведение, их потаенную жизнь.

Понятно, что и для них, для этих обитателей, весенняя пора это пора зачатия новой жизни, пора наибольшего оживления. Все ликует, все кукует!

Вот над головою словно пули одна за другой пролетели две утки-чирка, доля секунды – и нет их. Красивый, стремительный брачный полет!

Когда пишешь этюд, глазеть по сторонам

особенно-то и некогда, весь отдаешься работе. И мысли, и чувства, и действия – все направлено на то, чтобы успеть схватить, уловить, как можно точнее передать восхитившее тебя, быстропреходящее настроение в природе, ее, то ли счастливую, то ли грустную улыбку, ведь оно, это настроение, если не успеешь запечатлеть, точно таким больше уже и не возвратится никогда. И все-таки при всей сосредоточенности на работе боковым зрением или не знаю уж каким еще образом, но в какой-то момент начинаешь вдруг ощущать некое изменение, некое движение где-то в стороне, где-то неподалеку, сбоку. И тут внимание и взгляд непроизвольно сами собою переметнутся туда, в ту сторону, а там...

А там, на песчаной полосе между потоком реки и рыжей стеной прошлогодней половодьем растрепанной осоки и останков камыша два кулика выделывают какие-то занятные и не совсем понятные действия. На длинных, словно ходули, ногах они споро и в то же время с какой-то подчеркнутой торжественностью шествуют друг за дружкой метра три-четыре, одновременно, враз что-то склеывают с влажного песка, затем абсолютно синхронно, как будто специально кто-то тренировал их, отрабатывая, оттачивая эту синхронность, поворачивают на сто восемьдесят градусов и шествуют в обратную сторону метров пять-шесть. Опять одновременно склеывают то ли настоящих, а скорее всего воображаемых мошек с песка, и опять поворот. И как точно выдерживают они дистанцию, расстояние между собою!

Гляжу на куличков минуту, другую, пять минут. Потом до меня доходит – э, да это у них ведь брачный

танец! Это надолго. И вновь принимаюсь за работу.

Проходит какое-то время. Какое? – да бог его знает. Увлеченный работой разве смотришь на часы. Только вот опять что-то обеспокоило это самое боковое зрение. И не зря – на воде из-за песчаной косы показалось какое-то темное пятнышко и плывет потихоньку, оставляя за собой "усы" из небольших волн. Топляк что ли плывет? Да как же это он может плыть против течения? А пятнышко все ближе, пятнышко с ушками, вот и глазки стало возможно разглядеть. Ба! Да это водяная крыса, ондатра!

Вот она, мокрая, вылезла на бережок, на песочек и как раз напротив меня. В зубах рыбка. Покушала, быстренько управилась с этим делом. После трапезы почистила, пофабрила лапками усы. Вдруг маленький, умный глазок ее на какую-то долю секунды встретился с моим, и мгновенно, через эту же долю секунды – бульк! – тихий всплеск, и как будто и не было никогда никакой ондатры на берегу.

...Тишина на реке, благодать! Даже посвист и щелканье птиц, доносившееся с утра из леса, к полудню стихло. И вдруг на ясном небе вверху над головой, затмив на мгновение солнечный свет, появилось чудище – огромные, зигзагом выгнутые крылья, длинные, откинутаые назад лапы и шея, как знак вопроса. Эх, ничего себе! Доисторический птеродактиль какой-то! Вот птеродактиль приземлился невдалеке возле заросшего осокой островка и оказался... обыкновенной цаплей. Да нет – и цапля в наших местах явление далеко не обыкновенное. После я узнал, что гнездовья их находятся где-то в труднодоступном месте на Троце, а покормиться они

прилетают и сюда вот, на Санахту, благо в осоке и камышах лягушек хоть отбавляй, а мелкое дно сплошь усеяно моллюсками в ракушках. При случае, если повезет, и рыбку можно словить. Нет, не зря, не напрасно прилетает сюда цапля.

...Быстро, быстрее самолета пролетят весенние деньки. Вслед за ним колесом покатится красно летечко. И опять я с этюдником сижу на бережку Санахты. У лета свои приметы и свои маленькие дива-чудеса – карминные метелки иван-чая тут и там высовываются из высокой прибрежной травы, множество всяких других цветов живым ковром пестрят на лугах – берегах. А какая отрада разливается по речному приволью в предзакатный поистине

колдовской час!

К середине лета угомонятся шумные бездельники, слава Богу, куда-то пропадут. И вздохнет тогда облегченно все живое, что шебуршится в камышах.

Вот из зарослей осоки выбралась, выплыла на середину залива утица. Огляделась – вокруг ни души. Ни шуму, ни гаму. Вот хорошо-то! Вернулась в заросли и уже с выводком маленьких утят переправляется поспешно на другую сторону залива. И вот опять они скрылись, опять спрятались в спасительной осоке.

...А это было уже глубокой осенью, когда кончается листопад, и в другом месте, в Вашкинском заливе. Сажу себе в овражке, пишу этюд с прощальной осенней красой. Посредине залива гусь плавает. Ну, гусь и гусь, что тут такого. Они все лето плавают тут, здесь ли им не благодать. В Вашкине живут еще три ли, четыре ли постоянных жителя, и всякое лето держат они гусей. Только хозяйские гуси обычно плавают и по бережку ходят стайкой голов по семь, десять, а тут что-то один.

Но вот гусь поплескался, поплескался, да вдруг поднялся и полетел в сторону водохранилища. Ого! Вот так гусь!

Я пожалел, что не удосужился разглядеть его повнимательней. А гусь будто услышал это мое сожаление, взял да и вернулся все на это же место. На, гляди!

Это была пора отлета гусей. Путь их в теплые края пролегает как раз над нашей местностью, и мне чуть не каждый раз доводится видеть их косяки в мглистом осеннем небе в такую же вот пору, а иногда

и слышать их глухой отдаленный прощальный гогот. Но почему этот гусь оказался один? Отстал от стаи? Где-то я читал о том, что заболевшего, ослабевшего сородича во время перелета стая заклевывает до смерти. Как сложилась дальнейшая судьба этого гуся – одиночки? Примкнул ли он к другому каравану?

В лесу

Пошли мы как-то с женой совсем уж поздней осенью погулять в наш лес, недалеко, за общественные сады. Есть у нас там любимое местечко, где на опушке растут несколько замечательно красивых высоких старых елей и не менее красивых могучих с раскидистыми ветвями сосен. Они, эти сосны и ели, стоят вразброс, группами, и в любое время года на них любо дорого поглядеть.

Мы подошли к одной из сосен, самой, пожалуй, рослой. Ствол – могучий, внизу с серовато-лиловой изрытой бороздами корой, а повыше как будто бы оклеенный листочками сусального золота. Кое-где эти листочки отстали от ствола, тонюсенькие, почти прозрачные, трепещут, если ветерок дунет чуть посильней.

На высоте метров пяти-шести большое дупло. В шутку говорю жене: «Вот гляди, сейчас оттуда белка выскочит!» Взял валявшуюся внизу палку-сук, постучал по стволу, и – чудо да и только! – из дупла и вправду выбралась белка, быстренько взметнулась по стволу вверх и оттуда уже стала наблюдать за нами,

непрощенными гостями, чего, дескать, надо этим придуркам?

Через дорогу от этой опушки располагается общественный сад с названием «Лесная поляна», вот белка и прописалась тут из-за того, что в саду можно поживиться всяческими фруктами – продуктами, и в зиму даже остатков неубранного урожая хватает на прокорм. Сколько одних яблок только всякий год остается висеть на ветвях.

Зимой белок не в редкость стало увидеть и на кладбище, вместе с галками и воронами они промышляют там, подбирая пряничек, печенину, конфету, положенные посетителями на могилки. Известно, что если белку не обижать, да подкармливать, то она становится совсем ручной, садится человеку на плечо, на руку.

Молодецкая статья

Есть такая поговорка – «видать сокола по полету», как всегда, очень верная. Вдобавок можно сказать, что и не только по полету видать сокола. Сокол и в любой другой ситуации сокол.

Как-то проезжал я на велосипеде по лесной шоссейной дороге и на одном из столбов электролинии, проходившей рядом с дорогой, увидел довольно крупную птицу. И уже по осанке – птица сидела прямо, столбиком – по посадке точеной головы, гордо откинутой назад, по силуэту выпуклой, сильной груди, по металлическому отблеску оперенья видно было, что это не какая-нибудь там ворона, что это птица разбойничьей породы, и что сидит она не просто так, а контролирует местность, выжидая, высматривая, не зазеваается ли пролетающая мимо пичуга, чтобы мгновенно сняться, настичь и сшибить ее на лету.

Пленник

Помню, это было еще в детстве, как старшие ребята принесли домой из леса подраненного ястреба. Может быть, сами же и подбили из рогатки. Летать ястреб не мог, но зло, намертво хватал когтистой лапой подброшенную ему палку, щепку или камень.

Парнишка, что принес ястреба, закатал рукав рубахи – повыше запястья на руке чернели припухшие, затянувшиеся запекшейся кровью следы ястребиных когтей. А несли его закутанным в чью-то тужурку.

Зачем принесли – не знаю. Для забавы.

Ястреб, когда кто-нибудь подходил к нему чересчур близко, открывал крючковатый, крепкий клюв и, высунув острый, как наконечник стрелы, язык, злобно шипел. Соломенно-желтые глаза его с черным ободком по краю горели злым, яростным огнем. Высоко и надменно держал он красивую, узкую голову. Даже в плену, даже раненый он держался удивительно смело, дерзко. Весь вид его словно бы говорил: «Убить – можете. Испугать, покорить – нет!»

Спектакль в воздухе

Серая ворона – хоть в черте города, хоть где-нибудь около леса, в поле – явление довольно обычное. Совсем другое дело – ворон. Этот нелюдим, не так уж часто попадает на глаза.

С детских лет, со сказок и былин само имя это – ворон – связывается в сознании со смертью, с погибелью, с костями белыми, с чем-то мрачным, зловещим. Да и внешний вид ворона не вызывает больших симпатий и расположения – черный, горбатый, бородатый, угрюмый.

Но вот однажды мне довелось быть свидетелем брачных игр супружеской четы черных воронов, и это зрелище неизгладимо врезалось в память на всю жизнь как яркий, замечательный по красоте спектакль.

Морозным январским днем на выходе из леса я увидел над заснеженным, искрящимся блестками полем двух птиц, двух воронов и сразу же удивился их совсем необычному поведению в полете – они будто бы играли друг с дружкой в догонялки, выписывая при этом совершенно немыслимые пируэты.

Вот поднимаются в высь, попеременно возвышаясь друг над другом, опережая друг друга. В какой то точке замрут и – по спирали падают к самой глади поля. Вычертив несколько кругов на предельно низкой высоте, над самым покровом, вновь взмывают вверх на этот раз какой-то замысловатой змейкой. Вверх – но всегда до одной и той же точки. Зависли там на какой-то миг и – камнем в крутое пике.

Птицы – это видно было – играли, импровизировали. Но с какою безудержной фантазией, с каким артистизмом! Выполняемые ими фигуры напоминали показательные выступления мастеров фигурного пилотажа, асов воздушной акробатики. Каждое движение, каждый пируэт восхищали изяществом и грацией, отточенностью и выверенностью, красотой по законам математики вычерченных кривых и графиков.

Черные силуэты птиц подчеркнуто четко, очень эффектно читались на фоне ослепительно ясного неба или же на сияющей белизне поля. Контраст еще больше только усиливал зрелищность этого великолепного, удивительного полета – танца.

Вороны, как известно, живут долго. Супружеская чета их до самой смерти неразлучна. И каждый год совместной жизни, каждый ее новый цикл начинается с такого вот торжествующе-радостного, упоительного, самозабвенного спектакля, который они разыгрывают друг для друга. Удивительно!

Вот вам и угрюмый нелюдимый ворон!

Все за одного

В начале марта сидел я на склоне оврага и писал красками этюд, на сей раз привлек внимание искрившийся под солнцем ручей в оправе поросших ольхою берегов. Ручей этот и зимой до конца не замерзает, кое-где пробивается наружу, ну а сейчас,

обрадовавшись теплу, и вовсе ожил, запереливался чешуйчатой рябью, забулькал, забормотал.

И вдруг слух, как ножом полоснуло – истошный крик прорезал тишину и благодать чудесного, весеннего дня. Над оврагом низко летела и благим матом верещала ворона. За нею гнался, настигал уже ястреб. Буквально через секунду на помощь оплошавшей птице прилетели – откуда только взялись? – две соплеменницы. Через две секунды – еще две вороны. И вот уж они взяли ястреба в оборот, устроили ему «коробочку». Одна летит слева, другая – справа. Остальные поочередно нападают сверху, да все по голове норовят его, разбойника, по голове.

Вот ворон собралось уже около дюжины, целая стая, и они стали прижимать ястреба все ближе и ближе к земле. Видя, что дела складываются явно не в его пользу, ястреб нырнул вниз, чуть ли не до самого снега, а затем, резко извернувшись, круто и быстро взмыл в поднебесье. Несколько сильных взмахов крыльев – и вот он уже скрылся за леском.

Вороны – они не такие уж мастерицы высшего пилотажа – отстали, конечно. Покружили, покричали немного для порядка, вот-де отметили паршивца, да вскоре и скрылись, как растаяли. Будто и не было их тут вовсе ни одной.

Тишь, благодать в весеннем воздухе!

Не шкодъ

Случай взаимовыручки, солидарности ворон приходилось наблюдать не единожды, а один раз довелось стать не только очевидцем, а уж даже как бы и самому оказаться участником скандального происшествия.

Одно время у нас жил пес Дымок, и был он еще совсем молодой, шалопаистый. Вот как-то увязался он за мною в лес, это всегда было для него огромной радостью. На подходе к лесу, на опушке вороны обучали летать, ставили на крыло, своих ребят-воронят. Дымок засек барахтавшегося в высоком белоусе неразумного слетка, рванул к нему с тем, чтобы поразвлечься, помять ему крылышки. Однако пса упредили бдительные родители. Они с истошным воплем, будто истребители в пике, ринулись откуда-то сверху, атаковали Дымка, норовя его с лету долбануть по башке. Да наверняка тут ему и досталось.

На шум, на крик моментально слетелась целая стая ворон, как будто только Дымка они и ждали. Вся эта орава тут же присоединилась к воздушной и психологической атаке.

Пес никак не ожидал такого поворота дела. Воюя на улице с курами, он никогда не встречал такого отпора, такой ошеломляющей контратаки. Поджав хвост, прижав к затылку уши, он трусливо прижался к моей ноге и уж больше от меня не отходил. Однако стая стала кружить и над моей головой, да так низко, что мне, в конце концов, пришлось взять палку, чтоб устрасшить разъяренных птиц.

Когда возвращались обратно и стали подходить к злополучному месту, Дымок вспомнил скандал, быстренько присмирел и вновь на всякий случай пристроился к моей ноге.

Смелость города берет

Дымок очень любил пошурудить, пошугать мышей. Зимой – в сугробах снега, летом – в прелых остатках соломенных скирд. Он с таким азартом, так глубоко зарывался в мягкие, пушистые развалы снега, что только один хвост, бывало, торчал из сугроба. Мышей он считал не употребительными в пищу, он их лишь умервщлял, прокусывая насквозь крепкими, как кинжалы, клыками, брезгливо оттопыривая при этом лиловые брыли.

И вот, имея большое пристрастие к этому занятию, выгнал он как-то зимой из-под кучи хвороста вовсе недовольную таким оборотом дела мышь. Это была не обычная серая полевая мышка, а черная землеройка. Она быстренько засеменила в сторону, оставляя на снегу мелкие крестики следов. Могучей лапы Дымка с излишком хватило, чтобы прижать мышь. Но она, сердито пискнув, вывернулась из-под лапы и побежала дальше. Когда же Дымок снова ее настиг, она повернулась, сделала несколько быстрых шажков навстречу, очертила острые как иголки зубки и так кинулась псу в морду, пытаясь цапнуть в нос.

Дымок оторопел. Такого отлупа он никак не ожидал. Следующая его атака была уже более

осторожной и вялой, а ответный выпад мышонка еще более отчаянным и остервенелым. Он, злобно сморщив нос, стал делать им какие-то угрожающие вращательные движения, а глазами был готов разорвать Дымка на части. Соотношение сил было таково, что одна только лапа Дымка была в два, а то и в три раза больше всей мыши. И все-таки дело кончилось тем, что Дымок отступился от храбреца, и он скрылся под стволом дерева – валежины. Мораль – в трудную минуту помни о храбром мышонке.

Чего надо?

Весной – снега уже сошли – сидел у опушки леса на раскладном своем стульчике, писал этюд. И вот услышал рассыпчатую трель дятла. Неподалеку был участок погоревшего подлеска – интернатовские ребята из озорства подожгли. Туда собрались дятлы разных мастей со всех волостей, года два – три усердно лечили они на этом участке больные деревья.

Услышав раскатистую дробь, я вспомнил прочитанное где-то когда-то: если заслышишь в лесу дробь дятла и если в это время крепко постучать чем-нибудь твердым по стволу, то дятел может прилететь на этот стук. Я решил проверить – правда ли это, взял кисть и черенком ее несколько раз сильно постучал по ближайшему стволу. Постучал просто так, совершенно не веря в результат.

Опять потихоньку стал писать этюд, за работой тут же и забыл про свою затею.

И вдруг – именно вдруг, совершенно неожиданно, на то самое место, где стучал кисточкой, сел дятел. Он был совсем близко, на расстоянии вытянутой руки, и от этого казался особенно большим, прямо-таки гигантским. Позже из книжки я узнал, что это и был один из самых крупных – большой пестрый дятел. Крупней его только – желна.

От неожиданности, от такой вот совсем уж короткой близости я, честно признаться, испугался. С минуту, наверное, а минута в такой ситуации – это много, смотрели мы друг на друга не отрываясь. Я сидел не дыша, не шевелясь, разглядывал оперенье, крупные когтистые лапы, крепкий, как кочедык, клюв.

Дятел в свою очередь смотрел на меня своим белым круглым глазом. Смотрел, как казалось, зло, с укоризной, словно бы говоря: «Почто звал? Ишь, шутник! Сидит тут, понимаешь, валяет дурака. Как долбану вот сейчас!..»

Жутко стало. Мурашки забегали по спине. Но тут дятел снялся и исчез так же быстро, как и появился.

Позже я узнал из книжек, что дятел одна из самых любознательных лесных птиц. Очень интересно ему знать — кто и зачем в лес пришел. И встретит, и проводит. Вот и тот дятел, скорее всего ничего плохого в уме не держал, а просто поздороваться со мною прилетал.

Надо верить

Как жаль, что многие из тех пичуг, что испокон веку жили рядом с человеком, утешая глаз и душу своим присутствием, все дальше и дальше отдаляются от него. Значит плохо им стало возле человека.

Вот почти что пропали голуби. А ведь сколько их было раньше! Да не то чтобы в какие-то незапамятные времена, а всего несколько лет назад. Где этот знаменитый символ мира и благополучия? Где знаменитые песни:

Летите, голуби, летите...

А еще:

Вот летят, они летят,

Им уже не вернуться назад...

Вот и именно, что не вернуться назад. Пропали скворцы. И давно пропали. Так давно, что старые скворечники в садах и огородах повсеместно сгнили, а новых никто уже дано и не делает. А ведь это была самая распространенная и одна из самых любимых в народе пичуг. Не зря же только им одним и мастерили деревянные уютные домики. Много лет не доводилось видеть деревенскую ласточку. А в пору детства почти у каждого дома вверху под крышей, в самом углу конька старательно и искусно лепили свои гнездышки эти милые, мирные птички. Сколь радостно было наблюдать за их беспокойными хлопотами!

Памятно еще то время, когда в конце апреля, в мае лес встречал каждого проходящего к нему ликующим оркестром птичьих голосов. Чудесный чистый воздух, ослепительный золотой солнечный свет и веселый

птичий гомон – теньканье, щелканье, посвисты на все лады – что может быть целительней для души человека? Тихо сейчас в лесу, да и их, самих лесов, остается все меньше и меньше...

Возле нашего дома в огородах, где-то в зарослях то ли вишни, то ли малины всякий год вили гнездышко соловей с соловьиной. Какие лихие колена выдавал соловейко по вечерам, да по ночам! Нынче нет, не слышно было его удивительных концертов.

Вот на кладбище еще пока поют соловьи. Как только небо зажжется от низко опустившегося солнца янтарным огнем, из самой гущи темных до черноты куртин раздается на всю округу залихватское щелканье, и вот пошли колена одно другого замысловатее.

Люди, пока еще живы, не жалеют сил для того, чтобы уничтожить вокруг себя все живое. И вот соловьи на кладбищах находят себе последнее убежище, услаждают песней усопших, коль живые не желают их слушать.

И все же не хочется заканчивать эти заметки на такой грустной ноте. Хочется верить в могучие восстановительные силы природы. Не так давно довелось мне навестить улицу моего детства, она как была раньше на окраине, так и посейчас осталась в стороне от человеческой суеты, от шума и мельтешни, живет какой-то своей тихой, той прежней жизнью. И вот там, в старом заросшем молодым ивняком овражке, разглядел я и свежую молодую поросль вязов, старые деревья все до одного погибли, а ведь сколько было их раньше в нашей местности. К удивлению и радости своей увидел я и скворцов, которых не

доводилось нигде видеть лет пятнадцать, если не больше. Говорят что и в других местах, в окрестных деревнях стали они появляться.

Так что, может, уж и не надо так сильно печалиться, а лучше верить, что когда-нибудь, да возобладает разум над безумием, и природа не замедлит повернуться к человеку лицом.

Содержание

От автора	5
В саду	
Нет таланту – не купишь	9
За вкусненьким	12
Маневр	13
Утрата	15
Ёжик	17
Карл и Клара	21
Кот – наркоман	31
У музея	
Что же вы?	35
Старуха и голуби	36
Круг почета	39
Дикая Машка	40
Динка и Пальма	45
Сторож Макс	48
Около дома и дома	
Во дворе	54
Учлет	61
Боська, Максик и Муха	66
Гаврюшка	77
Под небом ясным	
На реке	87
В лесу	94
Молодецкая статья	96
Пленник	96
Спектакль в воздухе	98
Все за одного	99
Не шкодъ	101
Смелость города берет	102

Чего надо?

103

Надо верить

105

